

ДЕНИС
ЧЕКАЛОВ

ИНАЯ РОССИЯ

ПЛАМЯ КЛИНКА

Денис Чекалов
Пламя клинка
Серия «Иная Россия», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5462655
Пламя клинка / Денис Чекалов: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63489-7

Аннотация

Древняя Русь. Заколдованная. Иная...

Здесь не слышали о христианстве, здесь поклоняются Перуну, а магия столь же обычна, как дождь или ветер. По дорогам шастают разбойничьи банды орков. Зомби штурмуют крепости. Демоны притворяются обиженными сиротками, а воевод убивают при помощи колдовства. Но на всякое колдовство найдется другое, не менее сильное. Странствующий чародей Хорс хорошо это знает. Иначе ему не выжить...

Содержание

Пролог	5
1	5
2	11
3	17
Глава 1	20
1	20
2	26
3	31
4	36
5	43
Глава 2	49
1	49
2	55
3	62
4	68
5	76
Глава 3	86
1	86
2	92
3	97
4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Денис Чекалов

Пламя клинка

© Чекалов Д., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

1

– А ну, гони кошелек!

Орков было шестеро.

Дикие, с бурой кудлатой шерстью, выскочили из-за деревьев сразу со всех сторон.

Я обернулся.

Узкая лесная тропа была завалена снегом.

Яркие лучи солнца играли на запорошенных ветках. Пахло елочной хвоей, древесной пряной корой, смолистыми сосновыми почками.

Утренняя пороша рассыпалась под моими ногами с легким приятным шорохом, а под ней хрустел и крошился толстый ледяной наст.

И даже шестеро орков не могли испортить мне настроение.

– Ну же, не строй из себя героя!

Главарь подошел ко мне.

– Один уже пытался... вчера...

Бандиты захохотали:

– Но вкусный был, нечего сказать.

Оскалив клыки, кривые, покрытые белой пеной, атаман

раскрыл пошире пустой латаный мешок.

– Усе, шо ценного есть, – велел орк. – Сюды и кидый.
А хошь, я тебе голову отверчу и первой в котомку брошу.

Разбойники засмеялись еще громче.

– Ты прав, – отозвался я. – У меня с собой много ценного.

Глаза орка загорелись от алчности.

– И всем буду рад с тобой поделиться, – сказал я. – Только вот ты не захочешь брать.

Атаман моргнул.

– Это ишшо почему? – набычился он.

– Самое ценное, что есть у нас, – заявил я, – это наши мечты, мысли, воспоминания. Но если бы ты умел такое ценить, мой любезный орк, ты не грабил бы людей на дороге.

Его глаза потемнели.

– Ты это, глянь, выживаться решил? Мы тя быстро щас... вежблявости научим.

Я не спеша прикидывал шансы.

Главный орк был закован в легкий полудоспех из белого адаманта. Штаны из кожи выверры. На голове поблескивал шлем норманнского типа, с широким наносником и вязью защитных рун.

И откуда у простого разбоши такая дорогая броня?..

В правой руке он держал серебряный хайбер – тяжелый однолезвийный меч, больше похожий на огромный мясницкий нож, только длиной в два локтя.

Таким и деревья можно рубить, и головы.

– Деньги же у тебя есть? – спросил атаман недобро.

– Есть серебряная монета.

Я подбросил на ладони динар с профилем короля Драконов.

– Хотел отдать ее нищим, когда доберусь до города. Но...

Окинув их взглядом, я улыбнулся.

– Любой бандит – такая же побирושка, как жалкий уличный нищий; те давят на жалость, а вы на страх. Особой разницы нет.

– Ты это че, оскорбить нас вздумал? – оскалился атаман.

– Глупого обижает все, – согласился я. – Даже то, что он видит в зеркале. Мудрого оскорбить нельзя. А ты каков? Только тебе решать.

Другие орки одеты были поскромней.

На каждом – простая стеганка, впрочем, с укреплениями из чешуи трехглавого змея. В лапах – шипастые кистени, у кого один, а у кого по два.

Ноги орков были босые.

Толстая дубленая шкура надежно защищала их и от холода, и от острых, словно кинжалы, обломков наста.

– Зря ты один по лесу-то шастаешь.

Атаман сгреб серебряную монету.

Привзвесил на ладони, на зуб попробовал, потом сунул в маленький потайной карман.

– Ни меча, ни посоха колдовского...

Орк с осуждением покачал мохнатой головой.

– Ладно, давай свой плащ; он с колдовской подогревой, верно? Ну, мне в лесу пригодится. И, считай, мы в расчете; боты, уж так и быть, я тебе оставлю, а то ведь до города босой не дойдешь.

Я кивнул на одного из бандитов.

В его крепкой когтистой лапе поблескивала цепочка; другой ее конец уходил куда-то в кусты.

– Это еще что у тебя? – спросил я.

«Вроде тонковата для цербера или огнедыша».

– Ах это...

Орочий атаман гулко засмеялся:

– Так, забава моя; таскаю за собой, как щенка.

Он кивнул, и его подручный резко дернул за цепь. Из-за куста, на четвереньках, испуганно выбрался мальчик лет десяти.

Кафтанчик его был порван, на голове вместо шапки кое-как намотана тряпка. Лицо худое, в глазах застыл бесконечный страх.

Голые розовенькие пятки скользили по снегу.

– Ну, как тебе мой зверушко?

Орк засмеялся, и хохот его перешел в рычание.

– Мы его в карете нашли боярской; думали, кто выкуп заплатит, вот и не съели сразу.

Атаман забрал цепь у подручного и резким рывком подтянул к себе мальчугана.

Тот, проваливаясь в сугробы, сразу же поспешил к хозяи-

ну, видно, хорошо знал, как жестоко его накажут за промедление.

— А что оказалось?

Орк со всей силы врезал мальчику по лицу.

Из разбитой губы потекла кровь.

— Так, ублюдок, байстрюк; сын какой-то служанки. Два золотых — и то отец платить отказался. Думал я его схарчить...

Атаман взял мальчишку за подбородок.

— Да что там жрать? Кожа да кости. Вот и таскаю с собой, просто забавы ради; смешные вы, люди, когда на цепи сидите.

Алая кровь стекала на белоснежье.

— Дай с ним поговорить, — сказал я. — Только пару минут. Пусть назовет мне имя. Авось я найду того, кто заплатит выкуп.

Орк пожевал губами.

— Дело твое; вы, люди, любите болтать о чести, взаимовыручке, а как дойдет до дела, так сами друг друга за грош удавить готовы. Ну...

Он наклонился к мальчику:

— Скажешь дяденьке свое имя?

Тот испуганно сжался.

Впрямь был похож на маленького зверька.

Я мягко улыбнулся.

— Мой милый орк, — сказал я. — Слышал ли ты о золотом правиле воспитания?

– Нет, – нахмурился он. – А чего там пишут?

Я улыбнулся шире.

Яркий астральный орб воссиял между моими ладонями и обратился в длинный адамантовый меч с золотой рукоятью и рубиновой гардой.

– Убивай детей, пока не успели вырасти, – сказал я.

И без замаха снес мальчугану голову.

Отрубленная голова ребенка отлетела в сторону, и кровь хлестала из нее по белому снегу.

– Красиво, да? – спросил я.

Тело мертвого мальчика скорчилось.

Алый фонтан забил из обрубка шеи, окатив атамана орков. Тот рванулся ко мне, хотел было поднять меч, но замер, не в силах пошевелиться.

Его бандиты застыли в неловких позах, словно время остановилось для них.

– Больно? – ласково спросил я.

Труп ребенка медленно вздрогнул.

Тело стало расти, две тугие шеи поднялись над саженными плечами, и на каждой шипела змеиная голова.

Монстр поднялся.

Он был выше меня на локоть.

Кривые сабли сверкали в его четырех лапах.

– Если решишь еще раз прикинуться невинным ребенком, – заметил я, – не забывай про ноги. Ступни после долгой ходьбы по снегу должны быть кровавые, отмороженные.

Тонкая цепь по-прежнему была обмотана вокруг запястья монстра, но стало ясно, что он здесь хозяин, а вовсе не мохнатые орки.

Демон рванул ее, и звенья порвались с жалобным тонким

плачем.

– Эти клыкастые больше тебе не служат, – пояснил я. – Или ты думал, что я из щедрости отдал им ту серебряную монету?

Монстр тихо зашипел.

Его левая голова чуть слышно начала шептать заклинание, и черная сажа с каждым словом осыпалась на снег.

Правая нагнулась ко мне на выгнутой шее.

– Зря ты этой тропой пошел, чародей, – прошипело чудовище.

Я направил на него меч.

– Тебе ведь нужны не деньги, – заметил я. – С твоей-то магией, трести кошельки прохожих... Чего ты на самом деле искал здесь, демон?

– Horta, – прошептал монстр последнее заклинание.

Кривые сабли в его лапах раскалились, вспыхнули и стали прозрачными, словно созданы были из чистых рубинов.

Огненные лучи вырвались из них.

Обрушились на меня, бурля и переливаясь.

Я вскинул адамантовый меч.

Он воссиял, играя яркими всполохами, и поглотил всю магию демона. Легкий толчок – это все, что я ощутил.

– Умник, значит...

Монстр провел лапой по змеиной морде.

– Умники долго не живут, ты слышал об этом?

Я улыбнулся.

– Глупые не живут вообще. Они лишь занимают место.

С диким, бешеным рыком демон бросился на меня.

Все четыре кривые сабли со свистом рассекли воздух, словно падающие звезды.

Уклониться от них было невозможно, парировать – тоже. Я распахнул магический плащ; алые лезвия ударились в него и легко отскочили.

В ту же секунду я всадил адамантовый меч в брюхо демона, по самую рукоятку.

Ну, то есть это мне так в первый момент почудилось, а потом я понял, что волшебный клинок рассыпался жалкими серыми обломками и я держу лишь бесполезную рукоять.

Демон захохотал.

– Ну что? Магия твоя не сработала? – спросил он.

Его сабли сгнули, и мощный удар всех четырех кулаков обрушился на меня.

Я отлетел прочь, как мячик для гоблин-гольфа.

Мой магический плащ, конечно, сдержал удар, но не смог остановить его полностью.

– Лети, птичка! – осклабились морды демона.

Я врезался спиной в ствол огромного дерева. Было так больно, я думал, у меня все кости сломались. Потом я рухнул к подножию дерева, и лавина снега обрушилась мне на голову.

Обжигающий холод объял меня, это значило, что магический плащ порвался в клочки.

Он больше не защитит ни от холода, ни от клинков чудовища.

– Ну что?

В голосе монстра звучало издевательское сочувствие.

– Ничего не хочешь сказать напоследок, а, умник? Мудрые мысли кончились?

Одним прыжком чудовище оказалось рядом со мной.

– Я убью тебя, – посулило оно. – А потом пойду и вырежу пару деревень. Не сам, конечно, лапами моих орков.

Демон наклонился ко мне:

– А ты будешь смотреть на это из Лимба и знать, что все эти люди умерли по твоей вине.

Я лежал в глубоком сугробе и пытался понять, сломан ли у меня позвоночник.

– Я не хочу убивать тебя, – сказал я. – Насилие и жестокость – это не выход.

– Слабые всегда это говорят, – оскалился монстр.

– Глупые всегда путают ум со слабостью. А знаешь почему?

– Почему?

Его сабля коснулась моего горла.

– Когда они понимают свою ошибку, – сказал я, – становится уже слишком поздно.

Я перехватил его лапу и резко выломал.

Это помогло мне подняться.

Раздался хруст сломанных костей, я не был уверен, чьих,

но какая разница?

Демон взмахнул горящими саблями, я уклонился и врезал ему кулаком под ребра. Он застонал от боли.

Змеиная голова рванулась ко мне, оскалив ядовитую пасть. Я вмазал ему по морде, кровь хлынула изо рта чудовища, и глаза его от удара вытекли по чешуйчатым щекам.

Он отбросил в сторону сабли.

Две лапы схватили меня за горло, стали душить. Третья обрушилась на незащищенный висок, словно паровой молот. Четвертой он сжал мою правую руку, и сжал так, что я задохнулся в крике.

Боль – это хорошо.

Боль помогает жить и дает причину бороться.

У меня осталась свободной левая.

Я резко ударил его туда, где разветвлялись две шеи. Мой кулак раздробил его горло и в осколки превратил позвоночник.

Обе змеиные пасти распахнулись в беззвучном крике.

Кровавые обломки костей посыпались изо рта чудовища.

Демон качнулся и медленно упал на колени.

Лапы его разжались и выпустили меня.

– Ты умрешь, – шепнуло чудовище. – Мой хозяин... придет и убьет тебя. И всех, кто дорог тебе... И всех, кто просто попадется под руку.

Он тихо засмеялся.

Кровь хлынула из обеих пастей, и мертвое тело демона

рухнуло на чистое белоснежье.

Медленно, словно просыпаясь от тяжелого сна, орки приходили в себя.

Их атаман провел рукой по глазам, потом сорвал с себя шлем и умылся холодным снегом.

– О, великие боги! – прошептал он.

Оглянулся вокруг, словно видел все в первый раз.

Подошел ко мне.

Каждый шаг давался ему с трудом, словно орк заново учился ходить. Наверное, так и было.

Не дойдя немного, он упал на колени и низко поклонился, коснувшись снега лицом.

Другие орки сделали то же самое.

– Спасибо! – прорычал атаман. – Ты спас нас от власти демона, теперь мы в неоплатном долгу.

Раз в неоплатном, значит, платить и не собираются.

– Да пребудут с тобой кровавые боги, – прошептал орк.

– И вам тоже доброго дня, – согласился я.

Они развернулись и медленно направились прочь.

Атаман не стал даже поднимать рунический шлем.

Я ждал, пока орки скроются за деревьями.

Теперь пришло время самого главного.

Я победил чудовище, осталось с торжеством оглядеться, жарко поцеловать полуобнаженную девушку, сесть на коня

и умчаться в закат.

Вместо этого я скрючился пополам и долго блевал.

Да, в жизни все не так романтично, как поют бродячие барды.

Зимой не так противно блевать, я стоял на коленях, погрузив обе руки в снег, и это слегка уменьшило боль.

Чувство было такое, словно кентарийский дракон прожевал меня, заглотил, переварил и выкакал.

Истинная победа никогда не приносит радости.

Миг торжества – все, что у тебя есть, прежде чем отходняк не раздавит.

Я потянулся к поясу.

Пальцы болели так, словно кости превратились в муку. Ну конечно, все колбы с лечебным снадобьем разбились и лопнули.

С героями в песнях бардов такого никогда не случается. Налетел ветер, и только сейчас я понял, как же здесь холодно.

Да, без колдовского плаща гулять по зимнему лесу не так приятно.

Я лишился накидки, адамантового меча, всех магических зелий, а в награду получил только боль.

Так бывает со всеми, кто пытается за что-то бороться, а не сидит, вкушая негу, у камелька.

Ну, по крайней мере, было весело.

Это единственная мысль, которая тебя утешает, когда

кишки просятся наружу.

Я подошел к демону.

Тело его уже обратилось в гниль, разлившись кровавой лужей. Интересно, кто же тот хозяин, о котором он говорил?

Еще немного я постоял, ловя глотки холодного ветра. Затем не спеша направился по тропе.

Глава 1

1

Форт из серого камня стоял на моем пути.

Щерились колдовскими пушками сторожевые башни, и каждый ствол был покрыт вязью холодных рун.

Сторожевая крепость – на полдороге от города.

Примет первый удар, если вражеские войска будут спускаться с гор. Я не сомневался, что такие же форты стоят на каждом подступе к Малахиту.

Черные кованые ворота медленно растворились, и на встречу мне появились всадники.

Семеро.

Первым, на крылатом коне, ехал воевода с окладистой седой бородой.

За ним, на двуглавом волке, следовал юноша в дорогих волшебных доспехах – сразу видно, сын влиятельного боярина.

Пятеро ратников, на огромных воронах, скользили по-над дорогой.

Я зашагал быстрее.

Если повезет, они одолжат мне плащ. Если нет, попробуют прикончить меня.

Зная людей, я ставил бы на второе.

– Эй, волшебник! – позвал меня воевода. – Куда путь держишь? – И, не дожидаясь ответа, изрек: – Если в град Малахит, а других и нету поблизости, до самого Харашишского моря, то мы как раз оттуда.

Он спешился.

Воину было за пятьдесят.

Кожа, дубленная на ветре и на морозе, темные оливковые глаза. В седой бороде шелковые нити – защита от темных сил.

Простая кольчуга наверняка досталась ратнику от отца, а тому – от его отца. На голове бронзовый шлем-шишак с пластинчатой бармицей – сеткой, закрывающей шею.

Левая рука, в перчатке из кожи кобольша, лежала на боевом топоре.

– Я Огнард.

Он протянул ладонь.

– Старший воевода из вольного города Малахита.

Его пожатие было крепким и уверенным.

– Мое имя Хорс, – представился я. – Странствующий маг.

Огнард провел рукой по окладистой бороде.

– Не ты ли прошел этим утром через Белый портал?

– Через магические врата, что на той горе. – Я кивнул на дальние склоны.

Воевода кивнул.

– Если кто проходит через Портал, я сразу же узнаю

об этом.

Его ладонь коснулась зеркального амулета.

– А нынче талисман раскалился и даже обжег мне кожу. Видать, ты непростой волшебник, если астрал так взъярился...

Он окинул меня оценивающим взглядом.

Ни о чем не спросил, хотя после встречи с демоном я был изрядно помят.

Досужее любопытство – роскошь, какую умные люди не могут себе позволить.

– Наверное, десятый дан у тебя?

– Тринадцатый, – сказал я.

И сразу же припомнил демона, что швырнул меня об дерево, как жалкую тряпку.

Каким бы сильным ты себя ни считал, найдется тот, кто надерет тебе задницу. Лучше об этом не забывать.

А если все же забудешь, найдутся те, что напомним.

– Чародей, – пробормотал воевода.

Видно, он что-то взвешивал про себя.

– Служил на Черной Реке? – спросил он внезапно.

– Да.

– Где, ежели не секрет?

– У Излучины.

Из кармашка на поясе я вынул небольшой железный кружочек.

– Я потерял на Черной Реке почти всех друзей, – негромко

произнес я. – А все, что мне досталось, это ржавая медаль императора. Паскудный обмен.

Огнард насупился.

– Жуткий был год, – согласился он. – А знаешь, теперь ведь Стояние на Черной Реке никто войной не считает. Я говорил с мальчишками...

Воевода невесело усмехнулся.

– Их в школе ведуны учат, будто Стояние – оно и было стояние, так, постояли на берегу да и разошлись. Если бы они знали...

– Лучше им не знать, – кратко ответил я.

Он глубоко кивнул.

– Ладно, – голос его снова стал звучным и полным силы, как, впрочем, и положено воеводе.

Стало ясно, Огнард принял решение.

– Ты сказал, по найму работаешь? Работу не ищешь? Город у нас богатый, мы хорошо заплатим.

– Кто ищет работу, находит рабство, – ответил я, – а призывание само отыщет тебя. Если смогу помочь, то сделаю все бесплатно. Что у вас случилось?

– Ну, ладно...

Воевода достал шипастый маленький шар и швырнул об землю. Тот обратился в голема – доспехи боевого коня; ожившие латы замерли над дорогой, готовые в путь.

– Едем, – отрывисто произнес Огнард. – Надо спешить, пока...

Он прервался.

– Я бы не просил тебя о помощи. Сам бы справился. Но я старший воевода; гвардия Малахита вся под моим началом.

– А значит, – подсказал я, – мешаться в дела городской стражи тебе не след.

– Верно говоришь, – кивнул Огнард, – но Руфусу я не верю...

Его глаза сузились – холодные, будто кусочки льда.

– Руфус – наш казначей и над стражей городской главный. А я всегда говорил, нельзя совмещать две должности, не к добру это, да только меня не слушали.

«И ты наверняка обрел злейшего врага», – подумалось мне.

– Но теперь, когда случилось убийство...

Огнард покачал головой.

– Город и так бурлит. По приказу Руфуса удвоили стражу; а тут еще орки, требуют, чтобы им вернули Остров-Среди-Болот...

Он развел руками.

– И ведь правы, черти, но вернуть-то остров теперь нельзя, и воевать мы с ними не можем. Да этот купец, мерзавец, со своей колдуньей-сестрой...

Его передернуло.

– У меня аж мороз по коже, как только ее увижу.

Воевода осекся.

– Э, что-то я тарахчу, будто кикимора на болоте. Просто давно поговорить было не с кем. Ладно, давай садись; день только начинается, успею все рассказать.

Оживший доспех парил над дорогой.

Я забрался в седло. Увы, совсем не так красиво и быстро, как раньше, в те времена, когда хоронил друзей на Черной Реке.

Юность – время возможностей, которое мы потратили не на то. Впрочем, там, у Излучины, я смог остаться в живых, и мы победили.

А большего не стоило и просить.

– Э, да ты, наверное, замерз, – спохватился Огnard. – Эй, Димитрис! Дай-ка чародею свой плащ.

Эти слова были обращены к боярскому сыну.

Тот сразу же нахмурился, и рука его против воли сжалась на краю бархатной накидки.

Парень явно не хотел отдавать ее какому-то незнакомцу.

– Спасибо, не нужно, – возразил я.

Ни к чему раньше времени заводить врагов.

Юноша посмотрел недобро, и я понял, что он уже терпеть не может меня.

– Ну хорошо, – сказал воевода. – Тогда поехали!

Он повысил голос:

– Мы возвращаемся в Малахит.

Огнард махнул ладонью.

Я не мог не заметить, лицо Димитриса темнело с каждой минутой. Юноша сильно нервничал, и двуглавый волк под ним тоже это чувствовал.

– Воевода!

Парень подъехал к нам и, словно случайно, преградил мне дорогу.

– Дозвольте поговорить с глазу на глаз.

Он носил кольчугу из чистого заговоренного серебра, что одним сиянием отгоняет и нежить, и волколаков.

Такую на обычном рынке не купишь, и не каждый гномий кузнец выкует ее на заказ.

Кольца казались круглыми, но, приглядевшись, вы замечали, каждая сработана в форме руны, и вместе они слагались в могучие защитные заклинания.

Я видел не раз, как зомби или скелеты сразу же рассыпались в прах, стоило им коснуться такой брони.

Голову юноши защищал изысканный кабассет, шлем с круглой высокой тульей, и перо сирина покачивалось на ней.

В ножнах – короткий меч, я не видел лезвия, но мог догадаться, что клинок тоже непростой.

– С глазу на глаз?

Огнард тут же насупился.

Хоть слова Димитриса вроде и были вежливы, но звучали они, как приказ боярина своему лакею.

– Ну хорошо.

Лицо воеводы стало каменным и холодным.

Он явно был из тех, кто не заводит любимчиков; но если уж невзлюбил, то больше шанса не даст.

– Слушаю, только быстро.

Я отъехал, не желая мешать им.

У высокой сосны я остановился. Юноша наклонился к Огнарду. Говорил тихо, но в звонком морозном воздухе его слова разносились достаточно далеко, и я мог их слышать.

– Али забыл, что сказал наместник? – злобно шептал Димитрис. – Он велел никого не вмешивать в это дело.

– Ба! – с презрением отвечал воевода. – Речь тогда шла об орках да коротышках-скарбниках; им и впрямь нечего знать, что в Малахите деемся. А это, не видишь, что ль? Человек! К тому же герой войны; если кого о помощи попросить, так только его.

– Да почем ты знаешь, что ему можно доверять? – зашипел Димитрис. – Эка! Помахал медалькой железной. Так, может, он ее в столице купил, у инвалида какого; те же за гроши продают и ордена, и ленты имперские, лишь бы на кусок хлеба хватило, сам знаешь, что это так.

Воевода нахмурился еще больше.

Слова Димитриса ему не понравились, но именно потому,

что юноша сказал правду.

Огнард вновь провел ладонью по бороде.

Видно, уже раскаялся в приступе откровенности, а значит, мне не придется расследовать убийство в вольном городе Малахит и вступать в разборки между стражниками и гвардией.

Это меня вполне устраивало.

Я и без голема-скакуна могу обойтись, дойду и пешком до города.

Но тут юноша совершил ошибку.

Тот, кто обрел победу, слишком часто ее теряет, пытаюсь надавить лишний раз.

Димитрис, видя, что воевода колеблется, решил закрепить успех и тем самым все уничтожил.

– А даже если медаль его настоящая, – тихо прошептал юноша, – что с того? Ну может, служил он на этой Черной Реке, так сколько же лет прошло. Все эти герои войны...

Его губы скривились.

– Мало ли мы их вешали, когда я служил в столице! Сперва удивлялся: как, ветеран, с имперской медалью, и что же? Пошел в разбойники. А вешать их вели...

Рука Димитриса в стальной перчатке сжалась в тяжелый кулак.

– Каждый хотел на грудь себе ордена эти нацепить, чтобы, мол, видели, героя войны казнят! Так нам строго-настрого повелели, с них медали срывать и языки вырывать щипцами,

чтоб хулы не кричали с виселки!

Лицо Огнарда от ярости побледнело.

Димитрис, не замечая этого, продолжал:

– Я у них часто спрашивал – почему? Ты ведь стране служил, государю-императору, как потом в разбойниках оказался?

– И что же, Димитрис, они тебе отвечали?

Воевода начал играть желваками.

Я понял, что невольно разбудил их старые раны, которые не заживут никогда, не позволяя этим двоим понять друг друга.

– Один так мне и ответил, не поперхнулся: «Как на Черной Реке мы невинных резали, так и сейчас режем. Ток раньше мы людей мочили именем императора, в обмен на железячки медальные, а вот теперь поумнели и золотишко берем».

Димитрис сверкнул глазами.

– Потом он за решетку схватился, близко-близко лицо поднес, да и говорит: «Не за то нас вешают, что мы людей губили, а токмо ради того, чтобы правду о Стоянии на Реке людям не смогли рассказать».

Юноша пару секунд молчал, словно перенесся туда, в затхлую сырую темницу, и смотрел в лицо приговоренному к смерти.

– Да, недаром-то шепчутся, что война та была несправедливой, и гнали их потом от Черной Реки, этих недобитых ге-

роев...

– Да как ты смеешь, сопляк?! – зарычал от бешенства Огнарда. – Люди, лучше тебя во сто крат, гибли на Реке, у Излучины, чтобы все вы, юнцы ощищенные, могли сладкий эль хлестать, заедать шербетом да девок сильфидских трахать.

Димитрис скрипнул зубами. Поднял кулак и поднес его к лицу Огнарда.

– Видишь печать на наруче? Знаешь, кто мой отец? Да одно слово мое – и тебя швырнут огнедышам.

Его лицо передернулось.

– Но в великанью задницу моего отца, и печать, и герб, и всю эту имперскую хрень. Я шесть лет служил в Патруле и с простого солдата начал. Может, как ты сказал, я и юнец ощищенный, но в бою бывал не меньше тебя...

Он спотыкнулся и быстро уточнил:

– ...С оглядкой на наши годы; а ты, старикан, все видишь во мне мальчишку, глупого барчука, что не знает, с какой стороны за меч держаться.

Наклонившись к Огнард, Димитрис процедил тихо-тихо:

– И уж тебе ли не знать, отчего меня из Столицы погнали, сюда, на кулички к гномам, у старого шестерить. Не хочешь замечать правды? Так черт с тобой.

Развернувшись, Димитрис поехал прочь.

– Что-то случилось? – спросил я, подъехав к Огнарду.

Тот провожал Димитриса взглядом.

– Да так...

Воевода процедил едва слышно:

– Прислали вот, сопляка из столицы на мою голову...

И ведь не избевишься от него.

Огnard развернул крылатого скакуна.

Мы въехали в кованые ворота.

Стрелки с волшебными арбалетами стояли по стенам.

Я заметил двух магов, не ниже шестого круга.

Третий стоял у въезда; когда последний из ратников оказался в крепости, чародей взмахнул руническим посохом, и ворота медленно затворились.

Яркая алая печать, сигил, воссияла на них, запечатав вход.

– Ехать далеко не придется, – сказал Димитрис.

В центре крепостного двора переливалось огромными рубинами широкое каменное кольцо – думаю, в нем легко уместился бы гарнизон.

– Занять места! – раскатисто велел воевода.

Ратники на боевых воронах выстроились в магическом круге. Огnard въехал туда последним, пропуская меня вперед.

– Кольцо непростое, – негромко пояснил он, – не каждому

служить будет. Вот почему я дал тебе железного голема.

– Deito! – прокричал чародей, и каменный круг стал медленно поворачиваться.

Вспыхнули рубины, замелькали огни, и все вокруг закружилось, словно в снежном водовороте. Я видел, как лицо Димитриса исказилось, – он явно боялся магии.

Огнард оставался невозмутим.

Он давно смирился, что однажды умрет в седле, и больше не волновался, не прикидывал, когда и как это может произойти.

– Добро пожаловать в Малахит, – сказал Огнард.

Мир перестал кружиться.

Мы стояли на большой гранитной платформе, высоко над городом. Каменная стена в три ряда – один выше другого – окружала его.

Дозорные башни сверкали острыми шпилями, так молитвы жрецов быстрее доходили до неба.

На вершине у каждого сверкал драгоценный заговоренный камень, и во время боя перуны, попав в него, разлетались тысячью молний, разя вражескую армию.

– Разойтись! – велел Огнард. – Ты, Димитрис, проверь всех караульных на башнях.

– Слушаюсь, воевода.

Юноша кивнул, и лицо его стало мрачным.

Я понял – эта докука была излишней, и воевода велел своему помощнику заняться ею только для того, чтобы наказать

за дерзкие речи.

– Отец его – родовитый князь, давно служил при дворе, – негромко произнес воевода.

И стало ясно, что в глазах Огнарда «служить при дворе» – занятие для трусов и лизоблюдов, и когда это называли «службой», то оскорбили всех военных в империи.

– Вот и нашел для сына тепленькое местечко...

Я сомневался, что для молодого парнишки, умного и горячего, город на орочьем приграничье был «тепленьким местечком».

Не важно, чего бы хотел Димитрис – быстрой карьеры или ночных забав с полудницами, – в вольном городе Малахите со всем этим было туго.

– Он ведь служил, кажется? – небрежно спросил я.

Знал, что вступаю на тонкий лед, но какого черта?

Лучше задать неловкий вопрос сейчас, рассориться и избавить себя от непростой работенки, чем после извиваться ужом.

– Служил? Да он *розыскной*, – ответил воевода с тем глубоким презрением, что фронтовые всегда питают к ищейкам на поводке императора. – Ловил, поди, нищих да ворье на рынке карманное, а теперь вот тоже считает себя солдатом.

Огnard покачал головой.

– Хотел я себе другого помощника. Уже присмотрел парнишку, что служит со мной давно, толковый и орочий язык

знает, здесь бы мне пригодилось. Так вот, не дали, «бери Димитриса», говорят. Пришлось... А тот мальчишка, я слышал, где-то в степях Хобгоблинских сейчас служит.

Он помолчал, думая о судьбе солдата.

– Ну ладно, чародей, – сказал Огnard.

Ратники на боевых воронах слетали с платформы, исчезая в переплетении башен и переходов.

Один Димитрис, на двуголовом волке, не мог летать и направил зверя к лестнице в дальней части платформы.

– Ты небось с дороги устал? – спросил воевода. – Что ж, отдохни, поешь; там банька уже готова, и лекаря нашего я пришлю. Потом и поговорим.

В долине было тепло.

Суровые горы, закованные снегом и льдом, остались далеко позади, и свежий весенний воздух, казалось, давал мне новые силы.

– Нет, – я покачал головой. – Ты сказал, дело срочное; значит, сперва дела, а потом уж все остальное.

– Ну хорошо.

Мои слова пришлись ему по душе.

Огnard спешился.

К нам подбежал молодой парнишка и увел крылатого скакуна.

Я тоже покинул седло, и железный голем свернулся в шипастый шар, зависший в воздухе. Воевода спрятал его в карман.

– Здесь поговорим, – предложил Огнارد. – Ежели ты не против. Люблю это место: небо – рукой подать и город, как на ладони.

Я кивнул.

Далеко под нами раскинулись улицы Малахита.

Они закручивались кругами, стягиваясь в тугую спираль, и сторожевые башни высились между ними на случай, если враг войдет в город.

Не было ни одного храма, ни одной башни магов, ни колокольни – только высокие, серые донжоны, где и молились, и сотворяли астральное колдовство.

– А вон там, – сказал воевода, – Снежные Пустоши.

Я видел только степь, от городских ворот до самого горизонта. Очень далеко, тая в туманной дымке, поднимались две крепости, орочьи, судя по очертаниям.

А по другую сторону, к бескрайнему небу тянулись горы с заснеженными вершинами, а над ними кружили тени серых драконов.

– Отсюда не разглядеть, – пробормотал Огнارد, – но Пустоши там, и даже орки боятся их; я был в этой тундре дважды, а впрочем, о чем я? Мы лишь по границе проехали, но...

Воевода погрузился в молчание, и бесконечный страх промелькнул в его глазах.

Несколько минут мы стояли, глядя на горизонт.

– Ладно, – произнес Огnard, – я тебя не затем позвал, чтобы травить страшилки про Пустоши. То, что за горизонтом, пускай; куда важней разобраться с теми, кто у тебя под боком.

Он вновь помолчал немного, собираясь с мыслями.

– Что тебя привело в наш край, чародей?

– Встреча со старым другом, – ответил я. – Время вспомнить былое, поговорить о том, что еще осталось несделанным.

– Понимаю...

Огnard больше ни о чем не спросил.

Взявшись за парашют, он смотрел вперед.

– Город наш, Малахит, выстроен был по приказу государя-императора. Дальняя крепость на границе с орочьими степями.

Воевода усмехнулся в усы.

– Да такая дальняя, что из столицы давно уже ни слуху ни духу. Я просил прислать солдат, десяток мортир да пушек – и все как в песок ушло, мне даже не ответили.

Он почесал в затылке.

– Пришлось ополченцев брать; а может, оно и лучше. Ребята местные, горы знают, в орочьем насобачились и скarb-

ников не боятся. Так что... живем мы как вольный город; ничего не ждем от столицы, но и сами ей ничего не должны.

– Давно здесь? – спросил я.

– Почитай с самого начала. Видел, как первые стены мастеровые гномы закладывали. Диковинное дело, скажу! Детинец-то махонький попервам, так, на пару отрядов. Больше нам и не надо было... А в центре...

Огнард описал руками внушительный круг.

– Чаша стоит, огромная! Если хошь, клади туда камни, мрамор, деревянные балки – чего не жаль; и детинец расти будет, сам, без мастеровых. Всего-то и нужен толковый гном-инженер, чтоб этим управлять.

Воевода все тянул время, не решаясь перейти к главному, а я и не торопил.

– Наш комендант, Аскольд, прошел три войны. На Черной тоже служил, только у Порогов; ты его, наверное, не знаешь.

– Зато наслышан, – кивнул я.

– Вот именно, – усмехнулся Огнард. – Слава о нем с тех пор далеко пошла. Но в столице не задержался. Сам понимаешь! Нам, фронтовым, все эти дворцовые дела во как поперек горла.

Воевода провел ладонью по шее.

– Вот и попросился сюда, на дальние рубежи. Земли тут беспокойные; орки по всей степи. Есть у них здесь три крепости, и в каждой сидят шаманы; скажу тебе, не приведи Перун штурмовать такую.

Огнард сотворил охранное заклинание.

– Но армии у них мало, все по степи рассеяно. Сел много, почти без охраны. По горам скарбники; ну, ты знаешь, они похожи на гномов, только в кузнечном деле не мастера.

Я кивнул.

– Слышал я, что в их шахтах большие залежи адаманта, – продолжал воевода, – но сам не видел, гостей там не привлекают.

Глаза его на мгновение стали жесткими, и я понял, видимо, как-то раз почтенные скарбники выставили его с позором из малахитовых гор.

– А за степью – Снежные Пустоши. Твари там живут...

Огнард посуровел.

– Жуткие! Часто сюда приходят и разоряют деревни. Орки их боятся и считают богами. До Малахита, правда, ни разу не добирались. Не сплеховал Аскольд, верно выбрал место для крепости.

На платформу из боковой двери вышел гном.

Он был одет в парадный кафтан, высокую шапку с оторочкой из меха белого охневмя, подпоясан широким поясом, на котором темнели серые руны левитации, позволявшие гному летать вдоль башен и стен.

Нарядные сафьяновые сапоги были украшены мелкими изумрудами, и ты замечал не сразу, что подошва у них в три раза толще обычной; видно, гному хотелось казаться не таким маленьким.

– А вот и Торвальд, наш инженер, – представил его воевода. – Я тебе рассказывал; а это Хорс, чародей, заехал к нам между делом.

Гном посмотрел сквозь меня, словно я был призраком и через пару секунд навсегда растаю.

– Руфус запретил мне строить правую башню, – отрывисто произнес он.

– Как так запретил?

Огнارد даже задохнулся.

– Так мы же с ним говорили. Все языки сточили, поди. Как без северной башни мы против орков выстоим, если они всей степью на нас пойдут?

Воевода махнул рукой.

– Да у нас вся стена открытая. Город, будто на дрожжах вырастает, как же без башен-то?

– Запретил, – негромко повторил гном.

И стало ясно, что эти двое отлично понимают друг друга, и подружились они не в последнюю очередь из-за нелюбви к Руфусу.

– А что Аскольд? – нахмурился воевода.

– Нету Аскольда. Уехал в стойбище к оркам.

– Вот ведь проклятье!..

Огнارد в ярости ударил кулаком по ладони.

– Да он, как мальчишка; я говорил ему, нельзя без охраны ехать. Что, меня подождать не мог? Да и по-любому, после того что случилось давеча...

– Руфус послал с ним своих людей, – негромко ответил гном.

Воевода смолк.

Брови его нахмурились черной грозовой тучей.

– Стражники городские, значит, теперь нашу работу делают? Так, может, гвардия теперь совсем не нужна? А Руфус?

– Где-то на кладбище.

– Хорошо.

Огнард погрозил пальцем.

– Как только Аскольд вернется, пошли-ка мне вестового. Да загодя, чтобы я успел его у ворот встретить. А Руфуса задержи, под любым предлогом, ну хоть про ту же чертову башню заговори. Черт знает что творится!

Гном коротко кивнул и зашагал прочь. На меня даже не посмотрел.

– Руфус совсем забываться начал, – негромко прошептал Огнард. – Он и казну под себя подгрёб, и городскую стражу. Так что? Теперь ему и гвардию подавай?

Его лицо полыхнуло яростью.

– А завтра он, поди, комендантом себя объявит? И это в такой момент, когда весь наш город...

Огнард вдруг спохватился.

Стиснул накрепко зубы и пару секунд молчал, приходя в себя.

– Видишь, чародей, – сказал он, снова обернувшись ко мне. – Тут у нас дела непростые. А после того, что случи-

лось второго дня...

Воевода посуровел.

– Кажется, что все вокруг рассыпается, а я ничего не могу поделать. Проклятье! Слушай все по порядку. Два дня назад приехал к нам боярин Боррояр с бумагами из столицы, от государя-императора.

Губы Огнарда недобро поджались.

Дескать, солдат прислать или пушек, так все недосуг пузанам столичным. А как боярина с проверкой – так нате вам.

– Велел отчеты представить, что здесь да как, сколько ополченцев, солдат, да много ль денег в казне. И то хотел знать, и это; но я таких людей насмотрелся, сразу вижу, что у них на уме. Этот Боррояр не просто так прискакал.

Огnard погрозил пальцем.

– Имперский дознаватель с шестигранной печатью. Не шпонька какая из Денежного Приказа. Он не казну проверять приехал, а за чем-то важным. Может, даже заговор супротив государя он раскрыть пытался...

Воевода помедлил.

– Или же война будет с орками...

Стало ясно, что Огnard давно к этому готовится.

– Я с ним говорил мало, он лишь по казармам прошелся, вдоль стен, осмотрел все пушки, и было видно, что в этом знает толк, но приехал совсем по другой заботе. Сказал, мол, завтра ждет меня с подробным докладом, на этом мы и расстались...

– А утром что было?

– Утром мы его схоронили, – ответил Огнارد.

– Значит, его убили? – спросил я.

– Да, – кивнул воевода. – И добро бы где-то в степи или в лесу...

Огнард не заметил, как прозвучали его слова:

– Так нет же! Боярина зарезали в крепости, почти на глазах у всех.

Он тяжело вздохнул.

– Но это я опять вперед забегаю. Вечером того дня, как Боррояр приехал, наш комендант Аскольд велел устроить прием, ну, значит, в честь столичного гостя.

Огнард неодобрительно хмыкнул.

– Все пришли: Руфус, наш казначей и начальник городской стражи. Торвальд – гном-инженер, что следит за детинцем. Этот купец, Казантул, и ведьма – его сестрица. А главное...

Тут уж Огнард совсем скривился.

– Пригласили орков. Я говорил, не надо этого делать, не место клыкастым в крепости. Это ж не люди, чтобы с ними брататься. Рун черных понацарапают незаметно, сколопендр ядовитых повыпускают или – не приведи Перун!

Воевода глянул на небо, призывая бога в свидетели.

– Якорек для телепортации где-нибудь присобачат или даже целый портал; а потом вся их блохастая армия окажется

прямо в крепости.

Тихо зазвенела кольчуга, когда он пожал плечами.

– Только вот Аскольд меня не послушал. Сказал, мол, орки – наши союзники. Раз уж пустили скарбников, то надо и орков звать; а я бы и скарбников не пускал.

Его косматые брови сошлись на переносице.

– Да и сам идти тоже не хотел. Не мое это – ладошки всем пожимать да кланяться. Но кто ж нас, солдат, спросит?.. Выпили за здоровье государя-императора, потом во имя Перуна и всех богов; да и орки с нами, эти звери, мне кажется, вообще не пьянеют, хоть три бочара медовухи выдудлят.

Я не сомневался, что воевода не выпил ни капли, хотя он сам об этом не говорил.

– Комендант Аскольд попросил имперского сказать пару слов; тот уложился быстро, на удивление, и видно было, что в доуку ему праздная болтовня. Потом вдруг поднялся Руфус, начал говорить об Империи, об освоении Севера... Он это дело любит и всех почти усыпил.

В голосе воеводы мелькнула нотка презрения.

– А там и орочьи менестрели начали выть; их так и вовсе выдержать невозможно, все поразбрелись кто куда, а я осторожно к лестнице – смыться назад, в казарму, пока Аскольд не заметил. И тут...

Он понизил голос:

– Кто-то как закричит! Я бегу туда, хватаюсь за меч, а меча-то нет – не положено, когда рядом орки; их это оскорбля-

ет, вроде как если вышел с оружием, то сразу начинай биться. Люди туда-сюда, помню, Руфус стоит у дальней двери, весь белый, а в пальцах какой-то листочек мнет.

Огнард вдруг призадумался.

– Я потом у него спросил: что там за бумага была? Так он в дурачка сыграл, мол, не было никакой бумаги, привиделось тебе. Но я точно знаю...

Он согнутым пальцем погрозил невидимому Руфусу.

– Забегаю в дальнюю залу, что с прудом и рыбками золотыми; дылда-купец, Казантул, стоит там и с ведьмой-сеструхой шепчутся. Увидели меня, замолчали, и я их взгляды поймал: дескать, успел ли я расслышать, о чем они говорили? Да только не успел, вот беда...

Воевода с досадой махнул кулаком.

– Тут другие двери открылись, и вошли комендант да Руфус: что, мол, случилось? Купец Казантул отходит, и вижу я Боррояра, имперского дознавателя, – лежит на краю пруда, а в сердце у него кинжал персидский торчит.

Огнард прошептал наскоро прощальное заклинание, что успокаивает душу умершего.

– Там уж все набежали, столпились, шумят, и орки что-то не по-нашему каркают, а скарбники – те молчали; стражники прибежали, Руфус начал командовать: те туда! осмотреть потерны! да только поздно уже...

Воевода смолк.

– А главное, – сказал он после минуты раздумий, – что

все было под охраной – каждая дверь, каждый переход. Там я везде поставил своих людей. Иначе нельзя, когда орки в крепости, да еще и гость из столицы.

– Что слуги? – спросил я.

– Не было слуг. Опасно, люди орков боятся, а те же дикие. Если почуют страх, и до беды недалече. А коли решат, что их оскорбили взглядом или кивком каким-то, так сразу за нож хватаются.

И вновь воевода не стал рассказывать мне всего, но я понял, что у них уже были такие проблемы с орками.

– Мед и еду разносили наши. Аскольд хотел, чтоб то были мои ребята, а я, дурак, обозлился. Не для того, говорю ему, служил я государю-императору, чтобы солдаты лохматым оркам на пиршестве, точно лакеи, прислуживали. Бери, говорю, других.

Огнард крепко почесал в затылке.

– Да он и взял, сыскарей, а Руфус и рад был. Теперь жалею – эх, были бы кругом мои люди, такого сраму бы не случилось.

И вновь стало ясно, Огнарду нимало не жаль убитого дознавателя; он лишь тревожится, как это аукнется городу.

– Двери все опечатали, комнаты обыскали. Никого, естественно, не нашли. Да и как могло быть иначе? На входах-то мои ребята стоят, они бы никого не пустили. Даже муху заговоренную. Значит...

Он глубоко вздохнул.

– Орки боярина закололи. А может, скарбники. Или...
Воевода еще сильнее помрачнел.

– Этот купец, Казантул; не верю я ему что-то. Слышал, на рынке люди шептались, что еще там, в столице, умыслил он зло супротив нашего императора; за это и сослан был к орочьим степям. Да и Руфус...

Тут воевода прикусил язык, не хотел о своих злословить, тем более за спиной.

Но тут же обернулся и поглядел туда, где исчез Димитрис. Видно, и юного *розыскного* Огнарда считал возможным убийцей.

– Для начала, – сказал я, – нехудо осмотреть место, где был убит боярин.

– Конечно, – воевода кивнул. – Да вот Аскольд в отъезде; только вернется, сразу тебя к нему отведу.

– А ждать-то какой резон? Так даже лучше будет; я пока все не спеша изучу.

– Тут видишь, какое дело...

Огнард замялся.

– Комендант велел строго-настрого туда никого не пускать; он человек суровый, если узнает, что я его приказа послушался, будет гневаться. Ты лучше погоди; отдохни с дороги, порасспроси людей, город наш посмотри.

Воеводе явно было неловко, что пришлось отказывать мне, он сам понимал, дознание следовало начать с места убийства.

– Это после убийства Аскольд завел такие порядки? – спросил я.

– Да нет, давно уже так; почти с того дня, как выстроили Главную башню.

Огнард врезал кулаком по ладони.

– Эх, как чувствовал он, случится что-то недоброе.

«А еще, братец, тебе не доверял», – подумалось мне.

Что же скрывал такого Аскольд, коли таился даже от своего воеводы?

– А сам-то ты как считаешь? – спросил я. – Кто заколол боярина?

– Ну, если подумать...

Огнард слегка помедлил.

– Есть у меня одно подозрение. В тот распроклятый вечер, ровно перед тем как начался пир, Боррояр сказал кое-что... Вернее, просто обмолвился. Пара словес всего...

Воевода взъерошил седую бороду.

– И я все ломаю голову, никак не могу понять, о чем же он толковал. Я об этом Аскольду даже не говорил; сам хотел покумекать. Но чем больше об этом думаю...

– Воевода!

Юный солдат, тот самый, что принял у Огнарда коня, бежал на платформу.

– Нежить снова проснулась. Лезут из земли, сотни их! Словно Рагнарок наступил; скоро они прорвутся через Северные ворота.

Глава 2

1

– Громы Перуна, – тихо прошептал воевода.

Это было сигналом.

Яростный раскат грома пронесся над крепостью. В воздухе захлопали крылья. Ратники на боевых воронах закружились между высоких башен.

Я отступил назад.

Могло показаться, хаос и бешеное безумие захлестнули темное небо.

Черные и белые птицы с оглушительным кличем метались над моей головой, всадники потрясали копьями, и мечи их бились об алмазные щиты.

Но за крошечным адом скрывался строгий порядок, не прошло и минуты, как все ратники выстроилась на круге телепортации, в строгом куб-каре по четыре ворона, – итого шестьдесят пять всадников, считая и воеводу.

– К бою! – приказал Огнард.

Он уже сидел на своем крылатом коне.

Замерцали магические рубины.

Никто не звал меня, но и стоять на месте не приказали; впрочем, я бы все равно не послушался.

Одним прыжком я оказался внутри Кольца, и мир вокруг завертелся. А когда замер, мы были уже на Северном бастионе.

Справа от меня тянулась стена – одна, а не в три ряда, без вышек и бартизанов. Я понял, отчего Огнард так спешил укрепить ее новой башней.

Слева были ворота – и нежить уже подступала к ним. Сотни гниющих зомби, рыча, шагали по широкой дороге.

Лица изъели черви, у многих не было глаз, кто-то брел без руки или без обеих.

– Мясо, свежее мясо, – шептали ходячие мертвецы. – Чую, чую запах горячей крови! Как же я хочу есть!

– Мне холодно, – вторили голоса. – Я так хочу согреться; запустить ладони в мокрые внутренности...

Зомби смотрели на крепостную стену.

– Люди! Вас же так мало; вы нас не остановите... Лучшие идите к нам и умрите; мы обрели жизнь вечную, и вы обретете с нами...

– Первый отряд, к воротам! – раскатисто прокричал воевода. – Активировать шпиль!

Сгорбленный седой маг уже стоял над воротами, на подъездной башне. Вскинув сухие, морщинистые руки, он прошептал:

– Явись! Явись нам, сила Перуна!

В ту же секунду молния грянула в заговоренный камень на шпиле, – вспыхнула багряными искрами, и десять белых

разрядов обрушились на армию зомби.

Всадники на могучих воронах поднимали композитные луки, и стрелы с серебряной оконечью градом летели на живых мертвецов.

И в этот момент я понял – нас обманули.

Я не в первый раз видел нежить, и на Черной Реке, и после, в Лесу Печали.

Не так уж сложно понять, когда мертвецы восстали из земли сами, повинувшись приказам далеких звезд и запаху свежей крови, а когда умелый колдун управляет ими, словно марионетками.

Кто-то хитрый и ловкий стоял за армией зомби и не просто так швырнул ее на Северные ворота.

– Чего ж ты, дружок, хочешь? – пробормотал я.

Некромант, конечно, не мог надеяться, что его небольшой отряд сметет бастион и доберется до города. Зомби – опасный враг в открытом бою, но для осады крепости не годятся.

Значит, колдун всего лишь отвлекает наше внимание.

От чего?

От других ворот – скажем, Южных или Восточных? Нет, там хватает своих защитников. Огнард привел только три отряда, – опытный воевода, он бы никогда не оголил городские стены.

Я посмотрел на башню.

Маг!

Ну конечно, маг здесь только один, и сейчас он занят,

швыряя молнии в зомби.

Значит, пока защитники бастиона сражаются с мертвецами, под самым их носом, где-то в двух шагах от ворот, и могут нанести удар.

Я обернулся.

Зерновые амбары темнели у городской стены. Да, слишком близко, нельзя их было здесь ставить. Может, туда нацелился некромант?

И почти сразу же я увидел, что туда устремилась дюжина всадников. Огнард хорошо знал, где в обороне крепости есть слабые места.

Я взбежал на крепостную стену.

Другие солдаты видели, что я прибыл с воеводой, и не мешали мне. Вот, к слову, и прореха в обороне, – скажу ему, если оба мы останемся живы.

– Стрелять по команде! – разносился над крепостью голос Огнарда. – Пушки заряжай!

Бронзовые дула орудий нацелились на армию зомби.

Ну что же ты задумал, колдун?

Справа боевой ход – дорожка для караульных, защищенная бруствером. Обычно там дежурили арбалетчики, готовые в любой момент атаковать врага сверху.

Но сейчас все стрелки собрались возле ворот, у подъездной башни, и стена осталась незащищенной. Я рванул было туда, но десять вороньих всадников уже парили там, держа наготове короткие луки.

Остался один расклад.

Я прошептал короткое заклинание и сотворил веревку, длинную и прочную, правда, довольно мерзкого цвета.

Ну так уж вышло.

Накрепко привязав ее к зубцу городской стены, я соскользнул вниз, к самому подножию.

Никто из солдат не обратил на это внимания, решили, наверное, что исполняю какой-нибудь приказ воеводы.

Спрыгнув, я осмотрелся.

Шум сражения почти не слышен. Крики зомби не долетали сюда, а приказы Огнарда отдавались далеким шорохом.

Ни души вокруг.

Я стоял в небольшом прощелье между крепостной стеной и каким-то высоким зданием, складом или конюшней. Быстро пройдя вперед, я сразу же нашел, что искал.

В мостовой темнела небольшая кованая решетка.

Спуск в городскую канализацию.

Отсюда труба бежит куда-нибудь в степь, и там наверняка охраняется защитными рунами, чтобы всякая тварь, ехидна или кикимора случайно туда не влезла.

Но здесь, за городской стеной...

Кто угодно может пробраться в узкий тоннель, а оттуда ему открыта дорога к любому зданию, к любой башне города Малахита.

– Ну что, покажись, дружок, – пробормотал я.

Все мои склянки за поясом, конечно, разбились, но оста-

лись мешочки с волшебными порошками. Не бог весть что, однако сойдет.

Я достал узелок с заговоренной солью и швырнул ее на грязную мостовую.

– Яви свой истинный лик, – чуть слышно приказал я.

Серый туман пронесся над улицей.

Заклубился, и склизкое существо медленно выползло из него.

Десять тугих длинных щупалец оканчивались человеческими головами, и каждая смотрела на меня с ненавистью.

Они сходились к округлому, болотного цвета телу. В нем горел единственный бирюзовый глаз, взирающий на мир с холодным презрением.

Сквозь него смотрел некромант, пославший на город зомби и это мерзкое существо.

– А впрочем, не лик у тебя, а морда, – заметил я.

Тварь поползла ко мне, быстро перебирая щупальцами и опираясь на камни людскими лицами.

– Ты умрешь, – прошептала она. – Умрешь, чародей, и Хозяин щедро вознаградит меня.

Луч палящего света вырвался из глаза чудовища.

Я рванулся в сторону и лишь с трудом успел отскочить. «А вот и не попал», – пронеслось в голове, и сразу же надомной послышался скрежет.

Подняв глаза, я понял, что тварь разрубила камень, и осколки стены обрушатся сейчас мне на голову.

Самый опасный миг, сразу за тем, когда тебе удалось бежать от предыдущей опасности.

– Хозяин будет доволен, – прошелестела тварь.

Я бросился прочь и перекатился.

Тяжелые обломки с грохотом посыпались на меня. Один врезался мне в плечо, разорвав рубашку, другой с силой грохнул по затылку.

– Я иду, Хозяин, – тихо зачавкало существо. – Я все сделаю...

Оно развернулось и заскользило к решетке.

Если тварь попадет в коллектор, я уже не сумею ее поймать.

Выхода не было.

Я вскинул руку и прошептал:

– Terra.

Камни, упавшие со стены, зашевелились со скрипом.

– Ну же, давай быстрее! – зарычал я.

Обломки катились по мостовой все быстрее и быстрее и наглухо запечатали вход в коллектор.

Наглухо ли?

Тварь обернулась.

Ее глаз уставился на меня, но затем существо снова заскользило к решетке. Значит, оно сумеет просочиться между камнями, и я зря потратил мощное заклинание.

Только в легендах, что поют бродячие барды, магия не кончается, а в реальной жизни ее запас невелик.

Выбор был непростой, но тварь все решила за меня. Она уже подползала к груде камней.

– Sancta, – прошептал я, и обломки вспыхнули небесным светом.

Сигил, вроде того, что был на воротах форта, запер решетку, теперь уже точно намертво.

Так я лишился последнего заклинания.

Я остался без магии, без меча, а волшебные порошкигодились лишь для ярмарочных трюков.

– Глупый человек, – прошептала тварь.

Она развернулась.

– Я могла бы просто уйти... И тебя никто бы не обвинил. А теперь...

Алый бурлящий луч вырвался из ледяного глаза.

Я сиганул в сторону, и любой кузнечик с радостью записался бы ко мне в ученики.

Страх придает нам силы или отнимает их.

Как мы сами решим.

– Шустрый ты, человек, – прошептала тварь. – Ничего...

Надолго тебя не хватит.

Где-то далеко, за крепостной стеной пылало сражение. Молнии вновь и вновь ударяли в заговоренный шпиль. По серой мостовой мелькали тени боевых воронов.

Но никто не поспешит мне на помощь.

Хорошая новость – я оказался прав: атака зомби была всего лишь подставой, чтобы одноглазая тварь смогла просочиться в город.

Плохая новость – меня убьют.

Если ты умнее других, тебе придется отдуваться за всех.

– Не убежишь, – зашелестело чудовище.

Пару секунд я играл с красивой идеей: тварь ударит в стену своим бурлящим лучом, и камни раздавят ее.

Но, конечно, это бы не сработало.

Монстр атакует издали и хорошо рассчитывает удар. Он никогда бы так не подставился.

Изящные планы не работают никогда, побеждает лишь грубая, уродливая жестокость.

– Я отнесу Хозяину твою голову, – прошептала тварь. – Может быть, он позволит мне выпить твои глаза...

У каждого должны быть мечты, не так ли?

Багряный луч рассек гранитную стену в двух шагах от меня. Я отпрыгнул в сторону.

Думаете, главное для искателя приключений – это владеть

магией и мечом? Гораздо важнее уметь падать, шлепаться на острые камни пузом, а потом еще после этого встать.

Желательно, без помощи некроманта.

– А мозги мои съесть не хочешь? – спросил я.

– Зачем? – удивилась тварь. – Ты человек глупый. Иначе бы сюда не попал. Съем твои мозги, еще и сам поглупею.

– Это разумно, – согласился я.

Переулок был узким, стены шершавые.

Ни магии, ни оружия у меня не осталось, но какая разница?

Мир состоит из того, чем можно убивать.

Просто нужна привычка, чтобы видеть его таким.

– Кто твой Хозяин? – спросил я. – Видимо, жалкий недочка, если создал тебя, небось даже читать не умеет.

Это была дешевая хитрость, знаю.

Но попробовать стоило.

Я надеялся, что оно назовет мне имя. Или даст какую-то другую подсказку.

Тварь засмеялась:

– О, ты не знаешь Хозяина... Нет никого мудрее на свете.

Склизкое существо подползло ближе.

– Я не буду убивать тебя сразу. Когда я оторву тебе голову, то впрысну тебе немного своего яда. Твой мозг останется жив, и ты увидишь Хозяина...

Его лица исказились от бесконечной гордости.

– И мучаясь в Лимбе, ты будешь жалеть о том, что при

жизни не заслужил шанса служить Ему...

Я сделал зарубку.

Этот Хозяин как-то сдвинут на Лимбе.

Недаром уже второй из его прислужников говорит о Круге Серого Ожидания.

– Дай мне шанс, – улыбнулся я.

Тварь накренила влажное туловище, как люди склоняют голову.

– Ты не заслужил, – сказала она.

И в этот миг я мог бы ее убить.

Но где-то там, наверху, сидит злой ошипанный ангел, он терпеливо ждет, когда у вас *почти получилось*, чтобы сразу же все испортить.

– Ни с места, тварь! – раздался громовой голос.

Двое гвардейцев показались на улице, гремя бронзовыми доспехами.

Это они не мне, надеюсь?

– Именем Малахита! – закричал первый ратник и, высоко подняв полуторный меч, кинулся к твари.

Главный ваш враг на поле боя – это союзники.

Они сделают все, чтобы угробить и себя, и вас.

Тварь повернулась.

Яркий огненный луч вырвался из бирюзового глаза.

– Вот тебе, гадина! – громко воскликнул ратник.

Он выставил сверкающий щит.

Не знаю, на что бедняга надеялся. Может, на то, что луч

отразится и распилит чудовище на куски. Или хотел поиграть в солнечные зайчики.

Естественно, у него ничего не вышло.

Пламя разрубило алмазный щит и отсекло человеку руку. Тот упал на грязную мостовую, крича от боли.

Кровь широкой струей хлынула на его товарища.

«Идиоты», – подумал я.

– Умри! – закричал второй ратник.

Он тоже кинулся в бой.

Это был тот самый парнишка, что доложил Огнару о нашествии зомби.

Я наклонился, подобрал булыжник потяжелее и резко швырнул его бедолаге в голову.

Камень врезался в шлем, с глухим колокольным звоном, и юноша кувыркнулся на спину, теряя щит. В ту же секунду огненная струя пропорола воздух, пройдя точно над пареньком.

Сколько жизней можно спасти, если давать людям вовремя по башке!

– Эй, – позвал я. – Ты про меня не забыл?

Тварь снова повернулась ко мне.

– Ты разозлил Хозяина, – чуть слышно прошептала она.

– Пусть выпьет валерьянки, – ответил я.

И дернул за веревку.

Ту, что была привязана к зубцу крепостной стены.

Черная, широкая трещина еще дымилась; камни закача-

лись, с тяжелым скрипом задвигались и рухнули на чудовище.

Ужас отразился в распахнутом бирюзовом глазу.

Тонко закричали лица, испачканные в грязи.

Я шагнул в сторону, и гремящая лавина камней размазала тварь в кровавую кашу.

– Как ты?

Я склонился над пареньком.

Он сидел на камнях, весь залитый кровью, и пытался снять шлем.

– Что... что случилось? – прошептал он.

– Ты сдал тест на идиота, – ответил я. – Поздравляю, прошел. Можешь смело служить дальше.

Парень был вне опасности, да и нельзя убить человека, саданув его по колдовскому шлему.

Тогда я шагнул ко второму.

Это был опытный, убеленный сединами воин, вот почему остался в пехоте, а не получил боевого ворона. Это для молодых.

– Как рука? – ласково спросил я.

Поднял ее с мостовой, повертел в руках.

Да вроде цела.

На колбасу сойдет.

– Скажите моей жене, – чуть слышно прошептал воин, – и детям... что я их сильно люблю.

– А врать-то нехорошо, – сказал я.

Наклонился над ратником, сжимая обрубок, и энергично потер его о кольчугу, словно о терку, зачищая край.

По-хорошему, стоило сперва снять с бедняги броню.

Только времени не было. Ничего, сойдет и так – как сказал Бог, создавая с похмелья мир.

Я приложил обрубок на место и прошептал:
– Sanitas.

Тот медленно прирос.

– Integritas, – чуть слышно добавил я.

Кожа солдата вспучилась.

Грязь и гнутые обломки кольчуги медленно выходили из нее. Больно, но это лучше, чем потом загноится и черве-гоблины отложат личинки.

– Вот и все, – заявил я.

Потом взглянул на солдата.

– Если бы ты любил жену и детей, – сказал я, – то стал бы зеленщиком или плотником. Но государя-императора ты любишь гораздо больше и готов оставить ее вдовой, а их – сиротами. Так что хватит брехать.

Я оставил его стонать от боли и ярости.

Подошел к твари.

Та успела растаять – мудрый Хозяин не хотел оставлять следов. Молодец!

– Клянусь Перуном!

Голос Огнарда пронесся по переулку.

Воевода подбежал к нам. С ним были двое солдат.

– Быстро отправьте магов проверить канализацию, – сказал я. – Эту тварь я остановил.

Воевода посмотрел на вязкую кровавую лужу.

– Думаю, она была одна, – отрывисто бросил я, – но лучше не рисковать.

– Выполняй! – приказал Огnard.

Один из солдат сломя голову кинулся прочь.

Воевода проверил раненых.

– Ты не сказал, что лекарь, – заметил он.

– Начал учиться недавно, – ответил я.

– Хорошо. Отведите их в лазарет.

Мы с Огnardом остались одни.

– Как твои люди? – спросил я. – Есть раненые?

– Откуда? – Он отмахнулся. – Жечь зомбей с крепостной стены, так, для дитев забава.

Воевода хлопнул себя по лбу.

– Как, как же я сам не догадался? Чертов коллектор.

Огnard подошел к высокой груде камней, закрывавших теперь решетку.

– Канализация, – пробормотал воевода. – Вечно там всякая дрянь заводится. Вот помню, еще мальчишкой, служил я в Глубоководске; там уж было рубилово! Ты молодой и этого не застал.

Его глаза внезапно сверкнули.

– Значит, магия у тебя еще оставалась?

– Только заклинания лекаря, – ответил я.

Огnard нахмурился.

– Мы, когда у крепости повстречались, видок у тебя был неважный. Не такой жуткий, как сейчас, но тем не менее.

Отчего сам не подлечился?

– Я привык не тратить заклятия раньше времени.

– Это правильно, – воевода вздохнул. – А я вот магии не обучен; хотел учиться, да денег не было. В армию записался, все думал, потом успею...

Он помолчал.

– А теперь, поди, и поздно уже.

– Откуда зомби пришли? – сказал я.

– С погоста поселенцев. Город наш четыре года стоит; а люди здесь уже много веков живут. Все теперь сюда перебрались...

Огнард покачал головой.

– А кладбища пришлось бросить. Знаю, нехорошо, не полюдски это. И многие недовольны были. Но что поделать? Нельзя же там караульных ставить, в степи, где никого нет. Сгибнут только зазря...

– И часто зомби нападают на город?

– Такое в первый раз. Мертвые часто к стене подходят. По двое, по трое... Смотрят на укрепления. Думаю, их шаманы орочи поднимают. Сквозь их глаза глядят, шпионят за нами.

Воевода прикусил ус.

– Я велел их сразу сжигать, как только приблизятся. Да что толку? На следующую ночь другие приходят. И так без конца.

Он посмотрел на степь сквозь дыры в стене.

– Но чтобы сотни, вот так, и днем, пошли на ворота, – еще никогда не бывало. А в первые годы мы бы их не сдержали. Людей было мало, и башни – не чета нынешним...

– Кто мог поднять столько мертвецов?

Огнард запустил руку в бороду.

– У орков шаманов много... Видел я, что они творят! Такого даже на Реке не было. А страшнее всех Эрлан-бей, из клана Небесных Воронов.

Воевода кивнул.

– Он у них и вождь, и колдун; живет в Болотах Отчаяния, и всякая тварь трясинная, и баньши, и людоеды-спригганы ему поклоняются. Сказывают, что в детстве мать кормила его мозгом Дракона, отсюда его могущество.

Слегка прищурившись, Огнард добавил:

– А еще я слышал, что Эрлан-бей никому из своего племени не позволяет постичь искусство шамана; есть у них колдуны, но только слабые, и сила их только в волшебных посохах. А коли найдется тот, у кого колдовство в крови, ему отрубают голову, и вождь пожирает его мозги, чтобы стать еще сильнее.

Воевода махнул рукой.

– Да, впрочем, каких историй про орков ни порасскажут! Можно ли всему верить? Но вот что знаю доподлинно, сам верховный хан, Саардак, Эрлан-бея боится и хотел бы прирезать, да лапы короткие; день придет – и один из них другого прикончит, помяни мое слово.

Он вдруг замолчал.

– А может, – прошептал воевода, – может... Настасья, сестра Казантула, та самая ведьма, я тебе говорил. Не зря их обоих выперли из столицы! Говорят, у нее двадцать девятый дан; ей поднять зомбей, что мне клопа задавить.

С крепостной стены спустились двое крылатых всадников. Один вел в поводу пегаса для воеводы, другой – черного ворона для меня.

– Пора вернуться в казармы, – сказал Огnard. – Там отдохнешь как следует, а потом...

– А потом тебя, воевода, вздернут, – раздался негромкий голос.

Мы обернулись.

В начале переулка стоял худой, высокий брюнет в атласном плаще. Узкие глаза ощупывали меня, и чувство было такое, словно моего лица касаются холодные паучьи лапы.

– Руфус, – процедил воевода.

Казначей неспешно подошел к нам.

Темные волосы были подстрижены коротко, на лбу – серебряный обруч с перевернутым анкхом. По пергаментной коже скользили легкие молнии – успел наложить на себя защитные заклинания.

– Что это значит, Огнارد? – негромко спросил начальник городской стражи, и в этих тихих словах было больше ярости и угрозы, чем во всех криках воеводы.

Руфус протянул руку к стене.

– В укреплениях дыры. У Северных ворот твои удалыцы накидали гниющих трупов. И даже не подумали сжечь. Не знаешь, что ль, как легко может начаться мор?

– Нельзя сжигать зомби, – отвечал Огнارد, быстро приходя в ярость. – Их наши колдуны осмотрят, надо узнать, кто...

Яркие столбы пламени взметнулись к самому небу.

Рокот огня донесся из-за стены.

– А может, мы эти трупы еще по городу провезем? – вкрадчиво спросил Руфус. – Ну, чтобы все смогли заразить-

ся.

Он резко махнул рукой.

– Жизнь тебя ничему не учит, я вижу. Тварь едва не проникла в канализацию. Могла заразить весь город. А ты? Потешную боевку устроил, на птичках своих катался, мага моего с поста сорвал, – для чего? Чтобы враг мог сюда проникнуть?

Руфус покачал головой.

– Ежели это не измена... а пахнет изменой, такое за версту чувствуется, то разгильдяйство и полная безалаберность. Я бы тебя повесил как человек гуманный, а стоило бы и четвертовать.

– Ты, Руфус, не забывайся.

Огnard шагнул к нему, положив ладонь на топор.

– Я на своей земле, – негромко процедил казначей. – Здесь, в городе, ты никто. Блохам своим в бороде указывай. А это...

Руфус посмотрел на меня.

– Хорс, чародей, – угрюмо проронил Огnard.

На злобные слова казначея он никак не ответил.

То ли был всепрощенцем, во что мне как-то не верилось, то ли хорошо знал, если начнет орать, так точно наговорит лишнего, а может, и голову снесет Руфусу.

– Здесь проездом, с другом каким-то встретиться соби-
рался.

– Истинно, – подтвердил Димитрис.

Он подъехал к нам на двуглавом волке.

Не имея крыльев, он не телепортировался к Северной башне с первым отрядом и воеводой, а прибыл позже, с пехотными.

Или все это время был здесь, управляя зомби.

– Но вы не волнуйтесь, Руфус. Огнард наш как следует встретил гостя. Все ему рассказал о том, что с имперским дознавателем было. И даже просил его раскрыть это преступление...

Димитрис тонко улыбнулся.

– Видно, не верит, что вы на это способны; а может, и вас самого убийцей считает.

– Что? – нахмурился казначей. – Мало того, что ты разрушил всю городскую стену? Чуть не сдал город неведомому врагу? Так ты еще и тайны государственной важности, бла-га отчизны и императора касающиеся, первому встречному растрепал?

– Он не первый встречный, – воевода встал ко мне ближе. – Мы вместе на Черной Реке служили.

– Огнард хочет сказать, – медовенько подсказал Димитрис, – что видит этого мага впервые в жизни; просто у того есть медаль за храбрость.

– Медаль, значит...

Руфус провел по губам полусогнутым пальцем.

– Ладно, я разберусь; быстро позвать сюда Торвальда, пусть починит и стену, и дома рядом, а то еще рухнут. Ты...

Он показал на Огнарда.

– Берегись. Знаю, Аскольд тебя всегда прикрывает. Но это скоро закончится.

Всегда полезно смотреть, как ссорятся люди.

Хорошая возможность понять, чего говорить и делать не стоит. Всю жизнь мы заняты только тем, что создаем врагов, обычно в своем собственном сердце, но порой и вокруг себя.

Если вычеркнуть все проблемы, на которые мы напросились сами, жизнь будет простой и приятной.

Правда, тогда мы перестанем быть людьми.

– Маг! – Руфус обернулся ко мне. – Обожди немного, нам надо поговорить. Прости за эту задержку...

К нам уже, отдуваясь, спешил заполошный гном со свитками чертежей.

– Но сам видишь, мы важным делом заняты. Если надо, вели позвать себе лекаря; их тут много понабежало... в пустой-то след.

Торвальд уже разворачивал чертежи; казначей провел по ним длинным пальцем и что-то пробормотал.

Огnard стоял поодаль, черный от ярости.

Его огромный кулак, закованный в латы, медленно наливался алым огнем. Хотя воевода сам и не владел магией, в его доспехи были вшиты мощные заклинания.

Может, и некроманты.

А избавиться от командира стражи он явно хотел давно.

Так не сам ли Огнارد натравил мертвецов на город? Вот уж кого никто бы не заподозрил.

– Эй, – я подошел к пареньку, сидевшему на обломке камня. – Как голова? Болит?

Он успел отвести своего товарища к лекарю и вернуться. Помятый шлем держал на коленях.

К виску прикладывал болотного цвета слизня.

Это был морбофаг, пожиратель боли.

В столице и больших городах империи их строго запрещено разводить; жрецы Перуна считают, что вместе с болью слизи отжирают кусочек вашей души.

Но жрецы Перуна – еще те паскудные сволочи; если их начнут вешать на площадях, народ будет только рад.

Впрочем, люди рады всегда, когда кого-нибудь вешают; лишь бы ногами дергал да хрипел позабавнее.

– Почти прошло, – сказал парнишка.

И сразу же сморщился от боли.

– Как звать-то тебя?

Я опустил рядом.

– Аксен.

– Хорошее имя.

Глупость изрек, признаю.

Никто ведь не скажет: «Имя твоё – дерьмо, и папа твой был придурком, когда тебя так называл».

Если бы не эта чертова вежливость, нам пришлось бы почаще заглядывать в глаза правде – и тогда, кто знает, может,

наш мир стал бы чуть-чуть лучше...

Впрочем, Аксен – и впрямь славное имя.

Для разнообразия.

– Ты ведь нездешний? – спросил я.

Парнишка поморщился.

Разжал руку, и слизень вдруг обратился в огромную стрекозу, забил крылами и устремился в небо.

Он высосал всю боль и теперь улетел на волю.

– Я из Златых Степей, – ответил Аксен.

Их так зовут из-за полей пшеницы, бескрайних и настолько красивых, что даже порою жаль обогреть их кровью.

Самая нищая провинция всей Империи.

– Как в армию попал? – спросил я.

– Мой отец служил на Реке. – Парнишка опустил голову. – Там и сгиб. Говорят, изверья подрали. Орден ему вручили посмертно, от государя-императора. Нам, правда, только памятную грамоту принесли...

Орден, конечно, украл какой-нибудь писарь и продал за неплохие деньги. Да и чего! Какие еще награды для мертвого нищеброда?

Подох ради императора, это уже почетно.

– Брат мой старшой домой без ноги вернулся. Вроде ему лечение полагалось в храме Лядобога, да жрецы сказали, мест нет...

Юноша замолчал, и я понял, что это не вся история. Видно, не захотели лечить нищего крестьянина.

Герой войны никому не нужен, если не умер вовремя.

– С Огнардом какво служить? – спросил я.

Парень бросил взгляд через улицу, туда, где Руфус и воевода смотрели планы.

– Хороший он человек, – отвечал Аксен с глубокой, истовой верой. – Мы за ним хоть в огонь, хоть в воду; одна беда...

Голос его сорвался.

– Мальчишкой меня считает. В поле никогда не берет, в дозоры не посылает. Хожу за его конем да стойла вороньи чищу. Разве же это служба?

Я мог сказать, что он еще успеет навоеваться.

Но это было неправдой.

Война хороша только для сволочей.

Добрые люди на ней, как правило, гибнут.

– И что ж так? – спросил я. – Димитрис, вон, немногим старше тебя.

– Димитрис!

В голосе юноши зазмеилась жаркая неприязнь.

– Скользкий он человек. Нельзя ему доверять. Вечно что-то злоумышляет.

Я словно услышал Огнарда.

Бедный глупый Аксен твердил слова воеводы и верил, что они его собственные.

В этом беда всех мальчишек на войне.

Они хотят сражаться за родину, но не знают, что это значит.

Если бы завтра Огнард сказал ему: «а государь-то у нас фальшивый, оборотень на троне», честный Аксен, ни капли не сомневаясь, зарезал бы императора и до последней секунды считал себя героем отечества.

Плохо, когда в голове нет мыслей.

Но гораздо хуже, когда мысли есть, но чужие.

– А Руфус? – спросил я. – О нем что скажешь?

Аксен не успел ответить.

Начальник городской стражи подошел к нам, смерил парнишку взглядом, от чего тот съежился и весь побледнел, потом обратился ко мне:

– Что ж, чародей, спасибо, что обождал; стены надо закрыть как можно скорее, да и других забот было невпроворот. Но теперь пошли, нам надо поговорить. Ты любишь яванский шербет?

Он швырнул об камни сферу телепортации, и через секунду мы оказались в его покоях.

Комната Руфуса была темной, с низкими потолками.

Тяжелые, складчатые драпировки висели повсюду, словно паучьи сети. Сложно было понять, где здесь окна и есть ли они вообще.

Пахло кальяном и терпкими благовониями.

По стенам висели темные зеркала, и ничто в них не отражалось. Подойдя ближе, я понял, что в каждом заключено по духу стихии.

Обычно их заточают в драгоценные камни, но Руфус, видимо, заказал у гномьего мастера листы хрусталя – большие, с картину величиной.

Было видно, как мечутся и сверкают в них демоны.

– Значит, Хорс, – протянул задумчиво Руфус. – Бери яванского шербету – он и раны излечит, и магию твою восстановит. А не тот ли ты Хорс, что одолел Иффрита из Среброградья?

Он протянул мне бутылку.

– Джинн на самом деле был с берегов Мархаша, – ответил я. – А в Среброградье он только стал знаменит. Но да, это был я.

Тонкий фиал был выточен из чистого, большого бриллианта; любой напиток в нем обретал волшебные свойства. Что уж говорить о яванском шербете!

Руфус прищурился.

– А если я осмелюсь предположить, – начал он осторожно, – что вас прислал сам государь-император расследовать убийство боярина?

Я налил шербета в высокий бокал.

– После того как тело имперского дознавателя было найдено, – продолжал начальник городской стражи, – мы сразу же послали доклад в столицу. Ответ так и не пришел, зато появились вы.

– Лестно, – кивнул я. – Но я тут ни при чем.

Магия восстанавливается со временем.

Не так быстро, как бы хотелось, и тем не менее.

У меня хватило маны лишь на одно простейшее заклинание.

– Determinatio, – прошептал я одними губами.

Всегда полезно проверить, нет ли в вашем бокале яда, утопившего таракана или плевок лакея.

Удостоверившись, что Руфус предложил мне чистейший яванский шербет, я отвечал:

– Я уже год не виделся с императором. Думаю, вы и сами знаете его образ мыслей. Он пошлет не пешего мага в рубище, а Имперского Истязателя.

Руфуса передернуло.

Стало ясно – он сам уже об этом подумал. И очень надеялся, что ошибся, когда увидел меня.

– Изуверы, – чуть слышно прошептал он. – Чертовы жи-

ворезы! Когда я служил в столице, мы делали все, чтобы их Гильдию распустили. Для них нет ни Бога, ни совести, ни закона...

– Хорошо сказано, – кивнул я.

Шербет растекался по всему телу.

Я чувствовал, как затягиваются раны, уходит боль и возвращаются заклинания.

Славная штука.

– А главное, – искренне возмутился Руфус – их даже нельзя подкупить. Все, что им нужно, это проливать кровь и мучить людей... Животные и то лучше.

– Аминь, – согласился я.

– Но что это я, садитесь.

Он указал на большие мягкие кресла.

Я проверил свое все тем же простеньким заклинанием и только после этого сел.

– А правда, – спросил начальник городской стражи, – что вы один вошли в Башню Хаоса и уничтожили там всех адептов зла.

– Мне помогали.

Я отставил пустой бокал.

– А главное, я сделал это исключительно ради денег.

Казначей удивленно посмотрел на меня.

– Вы же сказали Огнарду, что здесь все сделаете бесплатно.

Я усмехнулся.

– Я сказал Огнару то, что он хотел услышать.

Хотите, чтобы вам верили, ведите себя подло. Люди охотно видят во всех плохое.

Я дал понять, что легко продаюсь, и Руфус сразу расслабился. С такими людьми ему было просто, а звонких монет в его сундуках хватало.

Он выложил на стол перед нами тугой кошель заговоренного золота.

– Это аванс, – сказал казначей. – Найдите убийцу имперского дознавателя и получите столько же.

Руфус приподнял палец.

– И еще столько же, если скажете об этом только мне.

Я взял кошель и сунул его в карман.

– Не могу обещать, – сказал я. – Огнارد будет ходить за мной по пятам. Да и другие тоже. Но сделаю все возможное, я люблю деньги.

Казначей довольно кивнул.

– Держу пари, воевода уже многое вам рассказал?

– Да, – согласился я. – Он думает, это сделали орки.

Руфус презрительно усмехнулся.

– Орки! Надо же такое придумать.

Он поднялся и подошел к стене.

Одна из хрустальных панелей вспыхнула, и передо мной открылась карта степей.

– В этом хрустале живет дух шамана, – пояснил Руфус. – Орки сами его и проклинали за нарушение каких-то глупых за-

конов. Ему понадобится примерно сто лет, чтобы избавиться от этой печати...

Казначей взял указку из кости единокрыла.

– Каждое утро я потчую его яванским шербетом. Так он быстрее сможет излечиться. А в обмен он для меня следит за своими бывшими братьями...

Алые точки на карте медленно двигались.

– Это их патрули, – сказал Руфус. – У них нет единой армии или государства. Лишь отдельные стойбища. В каждой есть свой старейшина. У всех свои интересы, планы, мечты.

Длинной указкой он касался кружков на карте.

– Огnard, дубина, верит, что орки – наши враги. Но это не так. Они – идеальный буфер между Империей и Снежными Пустошами. Твари, что живут в тундре, должны сперва пройти сквозь стойбища орков, мимо их сторожевых башен – здесь, здесь и здесь...

Я старался запомнить все, понимая, что второго шанса изучить карту может не быть.

– Пока орки живут в степях, нам нечего бояться Снежных богов. И оркам наше соседство выгодно; они знают, что в случае беды всегда могут укрыться за стенами Малахита.

– Вы пустите орков в город?

– Почему бы нет? – Руфус пожал плечами. – Людям, что ходят по улицам нашей крепости, я верю ничуть не больше. Это и есть политика – в каждом видеть врагов и союзников одновременно.

Он вернулся в кресло.

– Я скажу вам и больше. Среди орков немало тех, кто охотней присягнул бы нашему императору, чем остался под властью Саардак-хана. Может, когда-нибудь...

Руфус пожал плечами.

– Но пока рано об этом. Дипломатия – дерево, которое приносит богатые урожаи, но вырастает медленно. Что еще говорил вам Огнارد? Ну кроме гадостей про меня. Знаю, я для него исчадие ада...

Он чуть усмехнулся.

– Сказал про купца Казантула, а еще про слухи о заговоре.

– Это полная чушь, – отмахнулся Руфус. – Во всей Империи не найти человека, более верного императору. И за эту верность жалованы Казантулу горы и все сокровища в них.

– Горы? – Я усмехнулся. – А скарбники знают об этом?

– Скарбникам и не надо знать.

Он замолчал, глядя в хрусталь панелей.

– А у вас есть идеи? – спросил я.

– Думаю, это Огнارد, – ответил начальник стражи.

– Воевода?

Руфус кивнул.

– Был один случай, еще три года назад. Все о нем знают, но вспоминать не хочет никто.

Казначей сцепил пальцы домиком и подпер подбородок двумя указательными пальцами.

– Город рос очень быстро, и комендант Аскольд послал

в столицу запрос – на пушки, трех архимагов, а еще на пополнение гвардии. Прислали полсотни ратников...

Он усмехнулся.

– Ратников! Все мальчишки, едва-едва могут удержать меч. Нас ведь в столице, знаете ли, не жалуют; если иногда и расщедрятся, так чего похуже пришлют.

Я вспомнил, что тот парнишка, Аксен, тоже прибыл в Малахит три года назад.

Значит, с этим отрядом.

– Пару дней спустя, – продолжал казначей, – Огнард повел их в степи. Далеко, куда и орки не заезжают. Не было их неделю, потом вернулся один. Сказал, мол, напало на них Снежное существо – и все полегли.

– Все новобранцы? – нахмурился я. – Полсотни?

– Да... а главное, – у Огнарда ни царапины, ни вмятины на доспехе, – словно он в бою-то и не бывал. Я сразу понял, что здесь дело нечисто. С Аскольдом говорил, да без толку, он, ежели упрется, дубиной не прошибешь.

Руфус задумался.

– И главное, не могу понять, то ли он знает, что с отрядом случилось, а мне говорить не хочет. То ли просто Огнарда покрывает, они еще по Реке знакомы и друг друга не выдадут.

– Значит, все новобранцы погибли?

– Один остался; да вы, поди, его на конюшнях видели. Аксен, он всегда был хлипким, а как через портал перешел, за-

болел сильно, чародейство впрок не пошло. Думали, умрет; у нас тогда ни лекарей не было, ни союзников среди орочьих колдунов.

Он посмотрел на погасшую карту.

И я понял, сейчас у Руфуса хватает в степи союзников, может быть, даже тех, что пойдут с ним против Аскольда.

– Огнард тогда сказал, что мальчишку надо вернуть обратно в столицу. Но я возразил. Вторая телепортация его бы просто убила. Вот Аксен и остался в городе; думали, что умрет, а болезнь его и спасла.

Казначей помолчал немного.

– С тех пор воевода его от себя не отпускает. Словно боится, что последний из новобранцев погибнет. А может быть, Аксен что-то знает, чего знать не положено.

– Значит, вы не поверили в историю о Снежном чудовище?

Руфус вскинул глаза.

– А зачем воеводе вести новобранцев в степь – одних, без опытных ратников? И почему Димитриса он не взял с собой? Тот был в ярости и даже послал бумагу государю-императору...

Казначей усмехнулся.

– Помню, Огнард с Аскольдом сильно перепугались, когда об этом узнали. Комендант тогда на Димитриса всех собак спустил – как, мол, посмел через головы командиров самого императора беспокоить? Да только Димитриса непросто за-

пугать; он лишь молчал и смотрел так злобно, что Аскольд своими словами и поперхнулся.

– И что бумага?

– Да ничего. Я уверен, она и не дошла до государя. Какой-нибудь боярин ее мельком проглядел и выбросил вон. Им, из столицы, что пять десятков наших погибнет, хоть пара тысяч – все ничего. Лишь бы адамантий присылали исправно, а мы и присылаем.

Руфус кивнул головой в такт своим мыслям.

– Только с тех пор новобранцев нам не присылали. Огнард был недоволен, с Аскольдом много шептался, но больше запросов в столицу не слал. Значит, выводы все же были сделаны.

– Бояре любят поспешать медленно.

– Да. И вполне возможно, что дознаватель Боррояр приехал именно для того, чтобы расследовать ту историю; Огнард перепугался, вот и убил его. Это было просто, – все двери охраняли его гвардейцы. Они преданы воеводе даже больше, чем государю-императору...

Казначей хотел сказать еще что-то, но небольшой переговорный кристалл, стоявший на дальнем столике, вдруг запылал багряными огнями.

– Слушаю, – проронил Руфус, коснувшись пальцами заговоренного камня.

– Началось, командир.

Голос стражника был напряжен и испуган.

– Все, как вы и сказали. На главной рыночной площади.

– Клыки Стрибога, – прошептал чуть слышно начальник стражи. – Да помогут нам теперь боги...

Он коснулся кристалла, и тот погас.

Глава 3

1

Руфус швырнул об пол малую хрустальную сферу, и мы оказались на городской площади.

Люди кричали и в ужасе разбегались.

Многие падали на колени и жарко молились. Другие прятались, третьи замерли не в силах пошевелиться, охваченные первобытным страхом.

Над площадью клубилась тьма.

Алые звезды метались безумным водоворотом. Белые холодные молнии низвергались с черного неба.

– Горе нам! – бормотали люди. – Боги, боги явились нас покарать!

– Эх, если бы это были и правда боги, – чуть слышно процедил Руфус. – Их бы я боялся гораздо меньше.

Тяжело заскрипела сталь.

Высоко в воздухе вспылал металлический треугольник.

Руны зла и отчаяния сияли на нем. Рядом появился второй и третий – со злобным, яростным лязгом, словно медленно раскрывались огромные веера.

Круг медленно сомкнулся, и бронзовая платформа зависла над городской площадью.

– Смилуйтесь, смилуйтесь над нами! – кричали люди.
Все взгляды были прикованы к парящему кругу.
Бешено загремел и раскатился гром.
Молнии заметались во тьме.

– Преклоните колени! – пронесся над площадью рокочущий грозный голос.

На парящей платформе появилась прекрасная девушка в черных кожаных доспехах.

Ее глубокие, сапфировые глаза смотрели дерзко и вызывающе. Казалось, именно в них рождаются молнии.

Алый чувственный рот слегка изогнулся в гордой, презрительной улыбке.

Черные волосы волной рассыпались по плечам. Топ с декольте подчеркивал высокую, изящную грудь. Эполеты с отделкой в форме когтей прикрывали плечи.

Юбка, из кожаных полос с колдовскими золотыми заклепками, защищала длинные, стройные ноги в ботфортах.

– Преклоните колени! – прогремело с неба.

– Вы убили имперского дознавателя, – негромко заметил я. – Получите теперь имперского изувера.

С хищным, оглушительным лязгом из платформы начали ниспадать ступени.

Девушка стала спускаться.

Она шагала медленно, величаво, как принцесса, входящая в покоренный город.

За ее плечами сверкала золотая рукоять меча-бастарда,

украшенная алым рубином.

На поясе трехгранный кинжал из синего адаманта – мизерикордия, и черный кнут-длинник из двух скрученных полос, пробитый мелкими верритовыми гвоздями.

Шестеро стражников в полном боевом облачении стояли за спиной Руфуса, но даже они попятились в страхе, шепча защитные заклинания.

– Я Оксана Тайпан, имперская истязательница, – голос девушки пронесся над площадью. – На колени!

– Вот сволочи, паскудные сволочи, – уныло прошептал Руфус.

Он отчаянно искал взглядом Аскольда или хотя бы Огнарда.

– Спрятались по лавкам, меня одного оставили. Вот дерьмо...

Его лицо перекосилось от ненависти, но уложение об имперских истязателях нарушить было нельзя, и Руфус, кряхтя, медленно опустился на колени.

То же сделали и шестеро стражников.

Я не привык бухаться ниц перед кем попало, а перед девчонкой тем более. Поэтому остался стоять.

– Целуй! – приказала девушка, протянув руку Руфусу. Казначей заскрипел зубами.

Касаться было строго запрещено; губы должны застыть в трех дюймах от пальцев имперского истязателя.

И только начальник стражи потянулся к загорелой ладони

девушки, как явилась Вселенская Справедливость.

Мостовая вдруг вспучилась, камни полетели вокруг с оглушительным свистом, и огромная клыкастая голова на шипастой шее вылезла из земли.

– Спасайтесь! Бежим отсюда! – в панике закричали люди.

Девушку отшвырнуло прочь, через всю городскую площадь. Спиной она разнесла пузатую бочку с пивом и, подрывав ногами, осталась лежать.

– Вот черт, – пробормотал Руфус. – Это же зломысл.

Он быстро швырнул оземь маленькую янтарную пентаграмму, и сфера неуязвимости вспыхнула вокруг нас, защищая меня и стражников.

Два огромных камня ударились в нее и отлетели прочь.

– Зломыслы живут в коллекторе, – чуть слышно пояснил Руфус. – Они людоеды, Огнард все грозился их истребить...

Тварь уже была величиной с башню, и это лишь часть ее, что поднялась над землей. Жутко становилось при мысли о том, какова же змея в длину.

Плоская голова горела пятью глазами, по два с каждой стороны и один во лбу. Острые рога топорщились на затылке.

На шее трепетал алый с багряными прожилками капюшон; рычащая пасть усеяна зубами, в двадцать ровных рядов.

Из раздутых ноздрей вырывался пар, и я знал, что это клубы серной кислоты.

Вновь содрогнулась площадь, и две новые головы появились над ней.

– Они обычно трехглавые, – с ухмылкой пояснил Руфус. Девушка поднялась.

Магическая броня, вшитая в кожаные доспехи, на сей раз защитила ее. Но было ясно, что энергии заклинания не хватает надолго.

– Не будете ее защищать? – спросил я.

– Не имею права.

Лицо Руфуса оскалилось довольной усмешкой.

Он был рад использовать лазейку в законе, чтобы не рисковать. По новому уложению об имперских истязателях, никто не смеет вмешиваться в их дела – ни стражники, ни гвардейцы.

Хорошая отговорка.

Только в прошлом году трех изуверов убили прямо на глазах у солдат, а те не шевельнули и пальцем.

Если огромный змей, вырвавшись из коллектора, разорвет в клочки посланницу императора, никто не сможет обвинить Руфуса или коменданта.

И у них появится время найти убийцу самим.

А еще лучше – назначить на эту роль того, кто подвернется под руку, быстро его казнить и отчитаться перед столицей.

– Сколько, по-вашему, у нее осталось брони? – спросил казначей.

– Не больше половины, – ответил я.

Девушка выхватила из заплечных ножен бастард.
Оскаленная пасть змея устремила к ней.

Все герои спасают красивых девушек.

Так уж заведено.

Ехидные тролли добавляют, что рыцарями при этом движет вовсе не благородство, а зуд в мошонке; но чего вы хотите?

Тролли во всем увидят что-нибудь скабрезное.

Мне следовало вскочить, обнажить сверкающий меч и кинуться на помощь красотке.

Но, к счастью, я не герой из сказки; а если чешется, так проще почесать, чем кидаться на бешеного дракона.

– Ставим, – предложил я. – Сколько продержится.

– Меньше пяти минут, – сказал Руфус. – Здесь полно мест, где можно спрятаться. Но надолго ее не хватит.

– Отлично, – кивнул я. – Ставлю, что выстоит дольше. Сто золотых монет.

– Э, – отмахнулся Руфус, – ваши деньги пропали.

Девушка подпрыгнула без разбега.

Перевернулась в воздухе и приземлилась на одну из голов гигантского змея.

Вспыхнул лазоревый меч и по самую рукоять вошел в глаз чудовища. Тварь заревела от невыносимой боли. Шея ее зашаталась и стала падать так, как рушится огромное дерево.

– Ну что, заметил в глазу соринку? – спросила девушка.

Мощным рывком она вырвала меч из раны и, оттолкнув-

шись от чешуйчатой головы, прыгнула на крышу высокой ра-
туши.

Черная юбка распахнулась длинными полосами, обнажая
загорелые бедра. Кровь разлеталась в воздухе, падая с лазо-
ревого клинка.

Пронзенная голова чудовища рухнула в рыночные ряды.
Треснули толстенные балки, веером разлетелись обломки
крыш.

Это казалось чудом, но люди на площади даже не постра-
дали; заклятие притяжения направило весь урон на девушку.
– Неплохо, – заметил Руфус. – Но это была просто удача.

Шея змеи тряслась, истекая кровью.

Мозг чудовища был пронзен клинком, но оставались еще
две головы. Первая устремилась к девушке с оглушительным
свистом, казалось, это летит пушечное ядро.

Та высоко подпрыгнула, уходя от удара, и обеими каблу-
ками ударила тварь в висок, выбив ей оба боковых глаза.

В ту же секунду огромный хвост чудовища, вылетев,
словно из ниоткуда, с мощным хлопком полоснул девушку
по спине.

Она кувыркнулась в воздухе и плашмя полетела вниз, пря-
мо на острые обломки.

– Черт, ничего не видно, – прошептал Руфус.

Он провел по сфере ладонью, и здания на площади стали
для нас прозрачными, можно было во всех деталях разгля-
деть все, что происходит по ту сторону завалов.

Девушка уже поднялась.

Кровь текла по ее лицу.

– Сколько брони осталось? – спросил казначей.

– Думаю, где-то четверть.

– Меньше, ее как следует грохнуло.

Две головы чудовища устремились к девушке, зажимая в клещи. Бежать было некуда.

Выватив из-за пояса короткий кинжал, она метнула его.

– В глаз? С земли-то не попадет, – бросил Руфус.

Но острое лезвие пробило чешую монстра и погрузилось в шею.

Девушка стегнула кнутом.

Длинный хлыст обмотался вокруг нижней челюсти твари. От резкой боли та мотнула окровавленной шеей, и девушка, крепко ухватившись за рукоять, вылетела из смертельной ловушки.

Вторая голова, не успев остановиться, врезалась в землю, и обломки балок разодрали пасть чудовища в кровь.

Девушка уже стояла на крыше.

Черепица с треском летела из-под ее сапожек.

Хлыст пришлось отпустить, из оружия остался только меч. Рычащая пасть чудовища уже неслась к ней, и выбитые зубы звонкими градинами падали на кровли домов.

– Вот и все, – шепнул Руфус.

Лицо его побледнело, глаза расширились.

На лбу выступила испарина.

Видимо, в столице он любил гладиаторские бои.

Клацнули огромные челюсти.

Девушка рванулась вперед, и в ту же секунду хвост чудовища вновь хлестнул ее по спине.

Еще немного – и посланница императора окажется прямо в пасти змея, а там еще хватало острых зубов.

– Меньше двух минут, – с азартом пробормотал казначей.

Длинный хлыст по-прежнему свисал у чудовища с нижней челюсти. В последний момент невероятным рывком девушка успела схватиться за рукоятку.

Оксана взмыла высоко в воздух и обеими каблуками врезала чудовищу по затылку.

Вторая голова твари уже рванулась навстречу девушке. Та в прыжке оттолкнулась от высокой стены и резко дернула хлыст.

Острые змеиные челюсти сомкнулись с омерзительным чавканьем. Послышался хруст костей, и кровь обильным дождем пролилась на улицы города.

И лишь тогда чудовище осознало, что одна его голова вонзила зубы в шею другой.

Тварь разжала смрадную пасть, но было поздно; сломанный позвоночник не мог удержать на весу тяжелый череп. Вторая голова монстра рухнула вниз в водовороте обломков.

Злоба и ненависть отразились в глазах у третьей.

Тварь рванулась к Оксане, рыча от бешенства.

– Будет немного больно, – сказала девушка.

Разбежавшись, она высоко подпрыгнула в воздух.

Голова змея пролетела под ней.

Оксана опустила на шею твари и глубоко вонзила свой меч в затылок чудовища. Гигантское существо захрипело и завывало от ярости.

Девушка с силой провернула лезвие в ране.

Огромный монстр содрогнулся и рухнул. Его подбородок упал на высокий шпиль, и тот пропорол голову твари насквозь.

Рваные куски развороченного мозга посыпались вокруг.

Девушка оттолкнулась от головы чудовища и медленно соскользнула вниз. Ее меч оставался в ране, затормаживая падение, и распахал змеиную шею до самого позвоночника.

– Я же предупредила, будет *немного* больно, – сказала девушка.

Казначей Руфус побледнел от ярости.

Он не мог поверить, что девушка осталась жива.

– На колени! – приказала Оксана.

Она медленно подошла к нам, держа на плече окровавленный меч-бастард.

Люди, шепча и творя молитвы, медленно выбирались из-под обломков.

– Да славится Император, – прошептал Руфус.

Его челюсти свело судорогой.

Он медленно опустился на колени. За моей спиной послышался лязг металла, все стражники сделали то же самое.

– Гордый, да? – спросила Оксана.

Кончик ее меча коснулся моего горла.

– Пачкаться не хочу, – отозвался я.

Она прицелкнула пальцами.

Острый кинжал и кнут вернулись на пояс девушки.

– Скажите коменданту, что я пришла, – повелела Оксана. – Мне нужен полный отчет о том, что произошло с дознавателем.

– Аскольда нет в городе, добрая госпожа, – доложил Руфус.

Девушка пальцем приподняла его подбородок.

Заглянула в глаза.

– Похоже, что я добрая? – ласково спросила она.

– Будет исполнено, – быстро ответил Руфус.

Он рассудил, что это удачный момент сбежать, и раздавил в пальцах белую пентаграмму.

С тихим шипением казначей растворился в воздухе, не взяв с собой никого. Стражники, опасливо поглядев на посланницу императора, затрусили прочь разбирать завалы.

Девушка подошла ко мне.

– Надеюсь, ты понимаешь, что будешь жестоко наказан за свою дерзость? – спросила она.

– Все так говорят, – согласился я, – но пока никто не допрыгнул.

Оксана ткнула меня в грудь пальцем, и я скривился от боли.

– Ты мне должен тысячу золотых, – сказала она. – Пошли.

В двух шагах висела вывеска: «Минотавр и клевер». Дверь стояла открытой, в таверне никого не было. Все люди разбежались.

– Больно, щеночек? – спросила девушка.

Ее палец провел по моей груди.

– Просто день был тяжелый, – ответил я.

Одним рывком она порвала мне рубашку.

Нет, сексом это не увенчалось. Да и я в тот момент годился только на шашлыки.

– Гномьи потроха, – прошептала девушка. – Да ты весь

огромный синяк. И все ребра, наверное, сломаны.

– Не все, – отозвался я.

Хотя уверен не был.

– На, выпей.

Оксана протянула мне небольшую склянку.

Я проглотил залпом, и в голове у меня сразу же помутилось. Яванский шербет – хорошая штука, но две порции, и почти подряд, не советую.

– Ну как? – спросила она.

– Да все уже прошло, – отозвался я.

– Вот и славненько.

Оксана врезала мне по челюсти.

Ей бы это, конечно, не удалось, если бы не проклятый шербет. А так я отлетел в сторону, словно мячик, и растянулся на полу.

Хорошо!..

Самое время полежать.

Девушка присела передо мной на корточки.

– Ты хоть понимаешь, что это не для тебя заклятие? – спросила она. – А для минотавров, у них же шкура дубовая. Или для великанов.

Я закрыл глаза.

– Не мог же я вмешаться, испортил бы тебе эффектную сцену. А сама бы ты с ним не справилась. Я и всего-то, чуть-чуть урона на себя оттянул. Сущие пустяки.

– Для минотавра были бы пустяки, – согласилась девуш-

ка. – Они это заклятие и придумали. А ты весь – в котлету. Садись.

Оксана помогла мне взобраться на стул.

– Ладно, посмотрим, что у них есть из еды, – сказала она.

Принесла картофельных оладьев и блинчиков с протертой клубникой. Отсыпала на стойку монеток.

– Имперская истязательница? – спросил я. – Seriously?

– Девушке нужно на что-то жить, – пояснила она, окуная блинчик в клубнику. – Кстати. Тысячу золотых.

– Побойся бога, – отмахнулся я.

– С чего мне богов бояться? – девушка удивилась. – Я многих из них прикончила. Намек понял?

Слегка побурчав, я отдал ей кошель с золотом, который получил от Руфуса-казначея.

– Мы четко договорились. – Оксана примерила кошель на ладони. – А точно медных не подмешал? Ладно, поверю на слово... Ты мне не помогаешь, пока сама не зову.

– Так ты же не позовешь, – хмыкнул я.

– В этом-то и прелесть.

Она истребляла блинчики, словно те были ее кровными врагами.

– Как ты сюда попала? – спросил я.

– Деньги были нужны, ты знаешь, я много трачу. А ехать в эту Тьмукикиморь никто не хотел. В столице сейчас весна, пора карнавалов. А здесь как, бывают карнавалы? Ты должен меня сводить.

– Лучше я свожу тебя к гоблину-психиатру, – ответил я. – Но это вряд ли поможет. Что говорят в столице про убийство боярина?

– Ничего.

Она озадаченно поглядела на пустую тарелку и принялась за оладьи.

– Боррояр был опасным типом. Фанатиком. За императора глотки был готов перегрызть.

– И никому не доверял.

– Верно. Тушеную свеклу будешь? Тогда давай сюда. Только во дворце знают, зачем сюда приехал Боррояр. И мне говорить не стали.

– Узнаю бояр, – согласился я. – Иди туда, не знаю куда. И, главное, не опаздывай.

– Еще и поэтому никто не захотел браться за это дело. А мне, сам знаешь, плевать, лишь бы хорошо заплатили.

– Но ты, я не сомневаюсь, успела навести справки, пока в столице была?

– Успела. Ты погоди немножко, я еще принесу.

Она вернулась с тремя огромными мисками.

Как можно столько есть и при этом ни капельки не толстеть? Не иначе колдовство. Или зарядку каждый день делает.

Даже не знаю, что вызывает у меня больший ужас.

– Аскольда в столице все уважают, – сказала девушка. – Ну, только на словах. Он герой войны, бла-бла-бла. А на деле

был у них будто кость в горле.

– Не вписался в боярский междусобойчик?

– Да, и правила свои хотел в столице понасажать. Но ему быстренько рожки и ножки пообломали да послали сюда, строить пограничную крепость. Думаю...

Она провела пальцем по губам.

– Не нашелся бы этот пост, Аскольда бы просто четвертовали.

– А воевода?

– Эти двое вместе служили, еще на Черной Реке. Огнарда тоже в столице не шибко жаловали. Но он служака спокойный и врагов особо не нажил.

– Руфус?

– Руфус проворовался. По-черному. Ему грозили Борожьи Рудники, но кто-то решил, что здесь, в Малахите, Руфус будет полезнее.

– Огнارد и Аскольд не сумели бы уладить все с орками, – согласился я. – Тут нужен был ловкач. А Димитрис?

– Его отец – большая шишка в столице. Мог бы отмазать сына. Но...

– Или Димитрис очень крупно проштрафился...

– Или расплевался с отцом, – кивнула Оксана. – А что ты успел узнать?

Я рассказал ей, что случилось со мной в городе и его окрестностях.

– А что за тварь на меня напала?

– Это зломысл; змея-людоед, они живут в коллекторах, глубоко под городом.

Девушка глубоко задумалась.

– И сколько же трупов нужно, чтобы прокормить одну такую тварь? – спросила она.

– Зломыслы пожирают людей, как только увидят, – отвечал я. – Поэтому во всех городах верхние уровни коллекторов защищены астральными рунами.

– Так что же они едят?

– Мысли. Каждый человек, ложась спать, снова и снова перемалывает ушедший день в памяти. Как правило, ничего хорошего вспомнить не удастся; лишь зло и ненависть.

– Понимаю, – кивнула девушка.

– Но ты утром встанешь и убьешь человек десять, на душе сразу полегчает. А у других людей все эти чувства накапливаются. Затем уходят под землю и создают зломыслов; те могут ждать годами, даже десятилетиями, пока оттуда не вырвутся.

Оксана нахмурилась.

– Как же этому удалось?

– Вот мы и спросим Торвальда, гнома-инженера.

Из кармана на поясе девушка вынула бронзовый треугольник.

Он развернулся в круг, как летающая платформа, и рваные очертания города отразились на нем.

По кругу бежала затейливая вязь:

«Ковано Верховным Картографом по приказу государя-императора для нужд имперского изувера. В пищу не потреблять, сыр-колбасу не резать и в заднице не ковыряться».

Тут и там на городской схеме виднелись небольшие кружки. Нажав на один из них, можно сразу телепортироваться в нужную точку.

– Думаешь, где Торвальд сейчас? – спросила Оксана.

– У себя в башне.

Девушка нажала на сигил перемещения, круг стремительно завращался, и мы оказались в башне гномьего инженера.

Это был огромный каменный колодец белого мрамора, без пола и потолка. Сверху он уходил в бесконечность неба, а внизу распахивалась черная бездна.

Не было здесь ни лестниц, ни переходов, лишь пустота, и перемещаться по ней можно лишь силой мысли.

Вверх и вниз по этой трубе сновали огромные, изрезанные шрамами руки, в пальцах они сжимали куски гранита, золотые шпили и лестницы, а из отрубленных запястий

росли кружащиеся пропеллеры, деловито жужжали, словно тейрунские шмели-людоеды. Не имея сознания, эти големы не могли перемещаться по башне обычным способом.

Торвальд, гном-инженер, парил в середине башни, держа в левой руке свиток с новыми чертежами; а правой, словно дирижер, отдавал приказы своим летающим слугам.

– Как движется работа? – спросил я.

– Медленно, потому что мешают! – отрезал гном.

Он смерил девушку взглядом.

– А вы, барышня, нашли бы себе наряд поприличнее.

– Мы ищем убийцу боярина Боррояра, – сказал я. – Вы были там в тот вечер, не так ли?

– Нечего мне рассказывать, – отозвался Торвальд. – Обо всем, что тогда случилось, я уже составил отчет и передал Руфусу; вы же с ним дружите, у него и возьмите.

– Мне бы хотелось услышать это от вас, – пояснил я.

Гном посмотрел на меня, как на огромную личинку вши, которая пришла к нему свататься.

– А я хочу красавицу-тентаклу с двенадцатью щупальцами, – хмуро ответил он. – А вместо этого – видите? Я работаю. Делаю свое дело и не мешаю другим.

Торвальд не спеша направился вверх, словно по невидимой лестнице.

Девушка хмыкнула.

Размяла пальцы.

– Что это ты задумала? – спросил я.

– Гномий футбол – это ужасно весело. Если пнуть его здесь, этот коротышка еще минуты четыре будет летать, отскакивая от стен. А как верещат они при этом – просто умо-ра.

Девушка взглянула на Торвальда.

– Надеюсь, он не поумнеет с первого раза и можно будет попинать его снова.

– Нет, – сказал я. – Мы так поступать не будем.

Я догнал гнома.

– Это Огнард просил меня найти убийцу, – сказал я. – Мне казалось, вы с ним друзья; отчего же не хотите помочь?

Торвальд вздохнул и оторвался от чертежа.

– Огнард человек честный, даже, наверное, слишком. Вот и кажется ему, что все вокруг тоже честные. А я гном и поэтому никому не верю.

– Справедливо, – согласился я.

Девушка развела руками.

Я только покачал головой.

– Что будет, если убийцу не найдут? – спросил я.

– Не могу знать, – отозвался гном. – Да и не мое это дело.

Торвальд взмахнул рукой, и три голема проплыли мимо меня, таща мраморную балку.

– Виновным выставят Аскольда, – сказал я. – Он комендант, не смог уберечь боярина, да и убийцу вовремя не нашел. Его отправят в столицу и четвертуют, а может, сошлют на Борожьи Рудники.

– На Рудниках всегда нужны рабочие руки, – ответил Гном.

Крыть это было нечем.

– Вы не очень-то людей любите, – сказал я. – Жаль, ненависть чиста и красива, только если ненавидишь своих собратьев. Но, думаю, вам нравится город, вы же его построили.

Торвальд поднял на меня глаза.

– Это вы о чем?

– Когда Аскольда казнят, вместо него пришлют кого-то другого. Новый комендант вам вряд ли сильно понравится.

– Ах это...

Гном презрительно хмыкнул.

– Думаете, с Аскольдом так уж приятно? Да с ним говорить – все равно что морских ежей глотать через задницу. И ничего, справляюсь. С другим мы тоже притремся.

– А это зря.

Я закрыл глаза, представил, что подо мной удобное кресло, и опустил в него.

– Аскольд, наверное, не сахар. Вам, конечно, видней, я с ним еще не виделся. Но под его началом город вырос в десятки раз... И, насколько я знаю, в вашу работу он никогда не вмешивается.

Гном уже смотрел на меня в упор.

Руки-големы перестали двигаться и застыли, разрубая воздух пропеллерами.

– Ну и что с того? – спросил Торвальд.

– Когда сюда прислали Аскольда, – пояснил я, – здесь еще не было ничего. Только глухая степь, кровавые орки да монстры из Снежных Пустошей. Мало кто согласился бы сюда ехать. Но сейчас...

Я обвел башню рукой.

– Это синекура. Огромный, процветающий город с шахтами, полными адамантия. Вы три года прослужили в столице, в главном Архитектории. Думаю, успели узнать бояр.

Не спеша я поднялся.

– После казни Аскольда в столице будут драть глотки, чтобы занять такое тепленькое местечко. Думаете, для нового коменданта город будет значить хоть что-нибудь? Он поспешит нахапать побольше и вернуться в столицу. А проще всего воровать на строительстве городских укреплений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.